

Харьковское Общество Любителей Природы.

Профессоръ

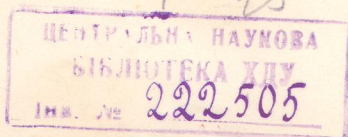
Андрей Николаевичъ

Красновъ

(1862—1914 г.).

Сборникъ, подъ редакціей приватъ-доцента
Императорскаго Харьковскаго Университета

В. И. ТАЛІЕВА.

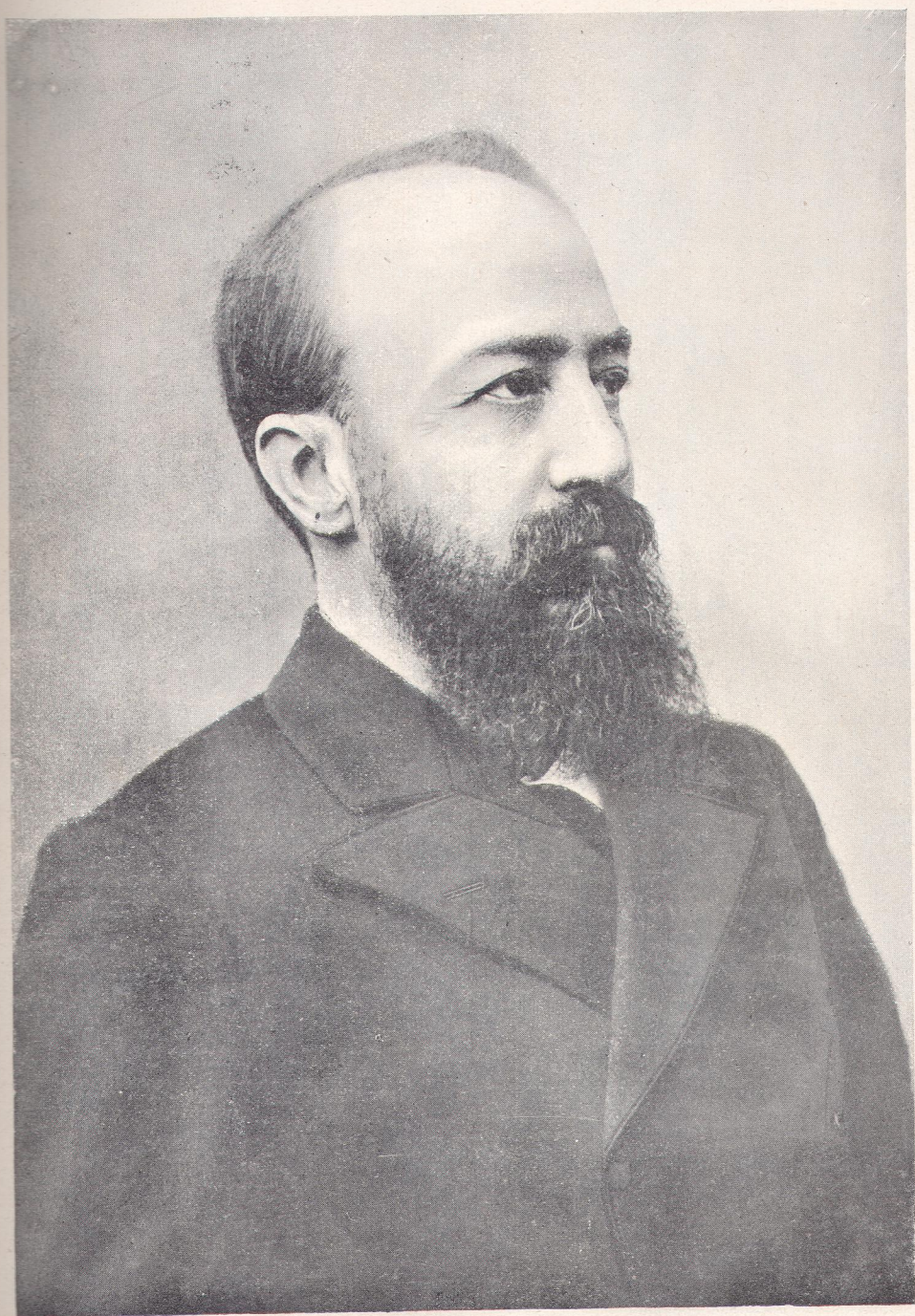

КРАСНОВЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

(1916—1917 г.)

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Х. Сергѣева. Московская, 10.
1916.

84 08
79

Проф. А. Н. Красновъ въ послѣдніе годы своей харьковской дѣятельности.

*«Сдѣлайте отъ моей могилы
просьбу, чтобы мнѣ видна была
Чаква, съ окружающими ее снѣго-
выми горами, кусочкомъ моря: я
тамъ впервые началъ работу; тамъ
тоже осталась частичка моего я»...*

А. Н. Красновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще свѣжа могила, въ которую преждевременно сошелъ выдающійся ярко индивидуальный представитель русской научной и общественно-научной мысли—бывшій профессоръ Харьковскаго Университета—Андрей Николаевичъ Красновъ. Настоящимъ сборникомъ намъ хочется не только отдать долгъ имени покойнаго со стороны тѣхъ, кто его искренне любилъ и уважалъ, и почитать его память, но и сдѣлать большее: обратить вниманіе русскаго общества на тѣ драгоцѣнности, которыя крылись въ талантѣ покойнаго. Сдѣлать это лежитъ на нашей обязанности какъ съ точки зрѣнія простого чувства національной гордости, такъ и съ точки зрѣнія интересовъ національныхъ умственныхъ богатствъ. Талантъ, какъ какая-то ближе неизвѣстная намъ прирожденная творческая способность духа, до сихъ поръ является такимъ же естественнымъ богатствомъ, какъ руда, лѣса и пр.: мы не можемъ его создавать, но должны беречь и разумно использовать то, что намъ дается природой. Между тѣмъ, мы, русскіе, не будучи избалованы избыткомъ духовныхъ силъ, въ то же время, къ сожалѣнію, до сихъ поръ этого не сознаемъ и относимся къ своимъ талантамъ, какъ къ чему-то индивидуально, а не общественно цѣнному и очень мало интересуемся условіями ихъ творчества и судьбой. Пусть же настоящій сборникъ послужитъ толчкомъ къ нѣскольکو иному отношенію и заставитъ задуматься надъ своими собственными ошибками.

В. Таліевъ.

Андрей Николаевичъ Красновъ.

(Матеріалы для біографіи).

I.

Андрей Николаевичъ Красновъ родился 27 октября 1862 г. въ Петроградѣ. По происхожденію, А. Н.—донской казакъ. Его предки—казачьи генералы, прославившіеся (прадѣдъ Иванъ Кузьмичъ) въ качествѣ сподвижниковъ Суворова и Платова, и позже (дѣдъ Иванъ Ивановичъ) въ Крымскую войну. Достоинъ замѣчанія, однако, что предки эти были не только военными героями, но и писателями—военными, бытовыми; писали даже стихи. Отецъ А. Н.—Николай Ивановичъ Красновъ, также участвовавшій съ отличіями молодымъ офицеромъ въ крымской и польской кампаніяхъ, уже и вообще болѣе извѣстенъ своими цѣнными статистическими и историческими трудами, относящимися до казачьихъ войскъ. Мать А. Н.—Ѳеодосія Ильинишна, рожденная Гаврилова, происходитъ изъ интеллигентной чиновничьей петроградской семьи. Выросла Ѳ. И. среди высокоинтеллигентной молодежи; въ домѣ ея отца бывали Драгомировъ, въ послѣдствіе герой войны 1878 года, братья Серно-Соловьевичи и др. Особенно же выдѣлялся въ ея семьѣ братъ ея—Михаилъ Ильичъ Гавриловъ, въ послѣдствіи директоръ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ, высоко и всесторонне образованный человѣкъ, хотя и не оставившій лично яркихъ слѣдовъ въ общественной жизни.

А. Н. былъ старшимъ сыномъ и потому росъ преимущественно среди взрослыхъ—обстоятельство, повлекшее за собою раннее умственное развитіе. И дѣйствительно,—въ самомъ раннемъ возрастѣ А. Н. зачитывается не только особо популярными въ то время романами Жюль Верна, но и болѣе серьезными описаніями путешествій—Стэнли («Какъ я отыскалъ Ливингстона»), д-ра Кэна («Путешествіе къ сѣверному полюсу») и другими.

Рано проснувшаяся любовь къ природѣ находила свое дальнѣйшее развитіе преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, когда

семья А. Н. жила на дачѣ подѣ Петроградомъ—въ Парголово, на Лахтѣ, Лиговѣ, Лѣсномъ и т. п. Здѣсь А. Н. предавался обычному среди мальчиковъ собиранію растений и насѣкомыхъ. Но у А. Н. это занятіе вскорѣ приняло болѣе серьезный, не дѣтскій характеръ. Собираніе бабочекъ превратилось у него въ серьезное занятіе энтомологіей. Онъ не только читалъ и изучалъ извѣстныя книги Фигье, Брэма и др., но производилъ

А. Н. Красновъ въ ранніе дѣтскіе годы, съ отцомъ.

самостоятельныя наблюденія надъ жизнью насѣкомыхъ среди природы и дома. Коллекція бабочекъ Петроградской губерніи, собранная А. Н. въ отроческіе годы въ окрестностяхъ Петрограда, которыя онъ исходилъ пѣшкомъ, желая отыскать всѣ породы, указанныя въ спискѣ бабочекъ Петроградской губерніи Ершова, спустя много лѣтъ, была передана имъ въ одинъ изъ кабинетовъ Харьковскаго университета. Параллельно съ составленіемъ коллекціи бабочекъ, А. Н. собиралъ гусеницъ, воспитывалъ ихъ дома и куколки перевозилъ въ Петроградъ, гдѣ изъ нихъ выходили въ зимніе мѣсяцы бабочки. Онъ наблюдалъ процессъ

расправленія крыльевъ у только-что вышедшей бабочки, полетъ ея, развертываніе бабочкой хоботка у подставленнаго цвѣтка или кусочка влажнаго сахара и т. п. Эти наблюденія описывались и составляли предметъ особыхъ рефератовъ въ кружкѣ его гимназическихъ товарищей¹⁾.

¹⁾ Отголоскомъ этихъ энтомологическихъ увлеченій А. Н. является составленная имъ книжечка: *А. Красновъ. Очеркъ жизни сорока обыкновеннѣйшихъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ отрядовъ*. Под. ред. Н. Л. Рѣштина, дѣйствительнаго члена Энтомологическаго общества. Изд. «С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ». 1881. Стр. 55. Цѣлью этой книжечки, какъ гласитъ предисловіе, является, во-первыхъ, пополнить у маленькихъ любителей насѣкомыхъ знаніе о нихъ, часто исключительно

Экскурсії въ поѣздахъ за рѣдкими бабочками сталкивали А. Н. съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, русскимъ и финскимъ. И уже въ отроческіе годы А. Н. отличался тою любовью къ народу, которая сопровождала его всю его жизнь. Онъ держался съ крестьянами не какъ барчукъ, а какъ равный, и они дѣлились своими познаніями. Въ этотъ періодъ своей жизни А. Н. научился финскому языку настолько, что не только могъ объясняться съ крестьянами во время своихъ путешествій (часто пѣшкомъ) по Финляндіи, но даже переводилъ отрывки изъ Калевалы (до Гранстрема и Бѣльскаго) звучными и красивыми стихами.

Увлеченіе А. Н. природой и естественными науками не ограничивалось энтомологіей. Еще съ дѣтства онъ любилъ растенія, гербаризировалъ и занимался разведеніемъ ихъ въ комнатахъ, вмѣстѣ съ своимъ дядей—тоже большимъ любителемъ растеній. Они вдвоемъ выводили лѣтніе цвѣты изъ сѣмянъ и украшали ими дачныя клумбы. А нѣкоторыя изъ посаженныхъ въ дѣтствѣ

А. Н. Красновъ въ дѣтскіе годы.

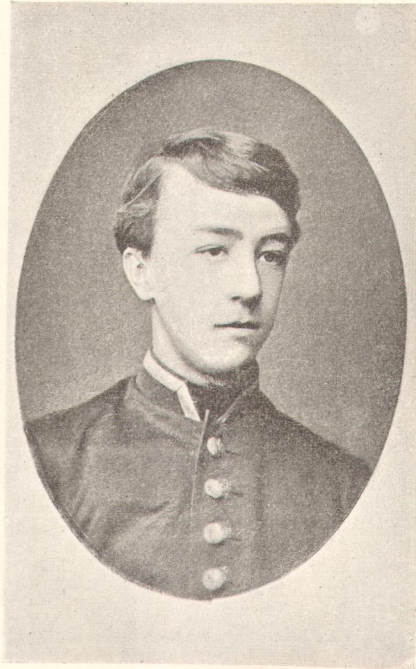
А. Н. сѣмянъ пальмъ выросли въ большія растенія, сохранявшіяся въ его семьѣ много лѣтъ спустя послѣ отъѣзда А. Н. въ Харьковъ на кафедру профессора географіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ же дядей, М. И. Гавриловымъ, А. Н., еще будучи гимназистомъ, изучалъ химію. По руководству Штекгардта, состоящее въ знакомствѣ съ ихъ морфологіей—знакомствомъ съ жизнью этихъ интересныхъ существъ, на которое мало обращаютъ вниманіе наши учебники; во-вторыхъ, возбудить въ дѣтяхъ желаніе наблюдать живыхъ насѣкомыхъ и отвлечь отъ безтолковаго умерщвленія ихъ для безцѣльнаго (въ большинствѣ случаевъ) составленія коллекцій ... Книжечка состоитъ изъ ряда коротенькихъ просто и живо написанныхъ очерковъ, въ которыхъ чувствуется, что авторъ былъ и наблюдателемъ.

Ред.

съ помощью простѣйшихъ приборовъ, они безъ специальной лабораторіи добывали кислородъ, водородъ, хлоръ, жгли стальную проволоку, магній и фосфоръ и производили вообще разнообразныя химическіе опыты.

Официальное образованіе А. Н. получилъ въ первой классической гимназіи. Въ ту эпоху—въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія—въ гимназіи царилъ тяжкій гнетъ системы

А. Н. Красновъ гимназистъ.

классическаго образованія гр. Д. А. Толстого. О занятіяхъ молодого А. Н. естественными науками доходили свѣдѣнія и до гимназическаго начальства, и, конечно, оно смотрѣло на нихъ недоброжелательно. Однако, блестящія способности А. Н. не давали повода педагогамъ прибѣгать къ какимъ-либо репрессіямъ, такъ какъ А. Н. успѣвалъ отдать свою дань и мертвымъ языкамъ. Онъ шелъ въ числѣ первыхъ учениковъ, а классиковъ—Вергилія, Овидія и Софокла переводилъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и курсъ гимназіи окончилъ съ золотой медалью.

Выпускъ, съ которымъ

 А. Н. проходилъ гимназическій курсъ, отличался высокимъ умственнымъ уровнемъ. Его товарищи по классу дали многихъ высокодаровитыхъ людей Россіи. Такъ, на научномъ поприщѣ, кромѣ А. Н., выдѣлились изъ его товарищей—академикъ по кафедрѣ минералогіи В. И. Вернадскій, профессоръ романской и германской литературы Ф. А. Браунъ, профессоръ физики В. А. Тюринъ. Въ классѣ А. Н. не было обычной среди гимназистовъ розни. Товарищи собирались другъ у друга для прочтенія научныхъ рефератовъ—каждый по своей специальности. Въ нихъ принимали участіе и ихъ болѣе старшіе товарищи—В. Н. Аггеенко—впослѣдствіи ученый ботаникъ—и Е. К. Чижевъ—впослѣдствіи инженеръ. Читались стихи, которые

писали нѣкоторые изъ ихъ кружка. Особенно отличался, какъ поэтъ, А. Н. Въ его стихотвореніяхъ обыкновенно затрагивались историческіе вопросы, или описывались впечатлѣнія среди природы, пережитыя имъ въ періодъ отыскиванія рѣдкихъ бабочекъ и растений. Особенно популярны были среди товарищей его поэмы «Два казака», изъ эпохи осады Очакова, и «Элли и Маати» съ художественнымъ описаніемъ Иматры. Любимымъ поэтомъ А. Н. въ эту пору его жизни былъ Некрасовъ. А. Н. писалъ въ подраженіе ему продолженіе поэмы «Кому на Руси жить хорошо» тѣмъ же размѣромъ и въ томъ же стилѣ. Весьма характерны для А. Н. уже эти его юныя произведенія. Въ нихъ отразилась его горячая любовь къ народу. Уже въ тѣ годы онъ съ горечью говоритъ о нѣмецкомъ засильѣ, пишетъ трогательныя баллады о крестьянскихъ подросткахъ, которымъ приходится съ дѣтства заниматься непосильнымъ трудомъ, посвящаетъ трогательную элегію смерти молодого крестьянина, убитаго въ то время, какъ онъ загородилъ собою другого отъ разсвирѣпѣвшаго пьянаго (случай изъ дѣйствительной жизни на дачѣ, свидѣтелемъ котораго былъ А. Н.).

Но особенно хороши многочисленныя описанія сѣверной природы, какъ вкрапленныя въ большія поэмы А. Н., такъ и составлявшія спеціальныя лирическія стихотворенія. Приводимъ отрывокъ одного изъ юношескихъ стихотвореній А. Н., особенно для него характерный:

«Прости мнѣ, южная природа,
 Что я теперь забылъ тебя.
 Во мнѣ славянская порода
 Теперь сказалась, и меня
 Ужъ манитъ Сѣверъ, вытѣсняя
 Дней дѣтства пылкія мечты,
 И пальмы Африки плѣняють
 Гораздо меньше, чѣмъ цвѣты
 Холодной родины. Прекрасны
 Мнѣ стали скучныя мѣста,
 Гдѣ я родился...
 И африканская охота
 Не замѣнитъ мнѣ никогда
 Моихъ на Лахтѣ приключеній,
 Моихъ охотъ на ось, жуковъ...
 Мною пережитыхъ впечатлѣній
 Весны моей златыхъ годовъ...

Какъ увидимъ, въ концѣ-концовъ А. Н. остался все-таки вѣренъ южной природѣ и среди нея нашелъ свое вѣчное успокоеніе. Но память о свѣтлыхъ дняхъ юности онъ сохранилъ до послѣднихъ лѣтъ, и передъ своимъ окончательнымъ переселеніемъ въ Батумъ, онъ еще разъ посѣтилъ Петроградъ и объѣхалъ мѣста, гдѣ протекала его юность и изложилъ свои впечатлѣнія отъ этой поѣздки въ своихъ яркихъ фельетонахъ въ «Южномъ Краѣ» (май и іюнь 1912 года).

Такъ въ повышенной умственной средѣ протекала ранняя юность А. Н.,—и дома и въ школѣ. Эта обстановка создала въ немъ подходящую почву для будущаго ученаго. Хотя А. Н. не избѣгалъ общества товарищей, даже участвовалъ вмѣстѣ съ ними по окончаніи курса въ прогулкѣ на лодкахъ по Невѣ съ цѣлью потопленія опостылыхъ учебниковъ въ ея водахъ, однако, уже и тогда его умъ и воображеніе были полностью заняты научными теоріями, настолько, что онъ и въ то время производилъ впечатлѣніе нѣсколько разсѣяннаго человѣка. Но это не была обычная разсѣянность, происходящая отъ невнимательности къ окружающему, а зависѣла, главнымъ образомъ, отъ поглощенія мысли какою-либо одною идеею.

II.

По окончаніи курса гимназіи, весною 1880 года, А. Н. въ лѣтніе мѣсяцы совершилъ нѣсколько экскурсій, преимущественно пѣшкомъ, по Финляндіи—на Иматру, а съ осени поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Петроградскаго университета. Послѣдній считалъ въ то время среди своихъ преподавателей рядъ крупнѣйшихъ ученыхъ. Химію читалъ Д. И. Менделѣевъ, ботанику А. Н. Бекетовъ и А. С. Фаминцынъ, почвовѣдѣніе В. В. Докучаевъ, агрономію А. В. Совѣтовъ, зоологію Н. Н. Вагнеръ, анатомію Ф. В. Овсянниковъ, фізіологію И. М. Сѣченовъ и др. Съ первыхъ же недѣль своего пребыванія въ университетѣ А. Н. на практическихъ занятіяхъ въ ботаническомъ кабинетѣ обратилъ на себя вниманіе А. Н. Бекетова, который, со свойственнымъ ему радушіемъ, открылъ ему двери своего дома, и съ этого времени все университетское развитіе А. Н. пошло подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого серьезнаго ученаго и человѣка съ широкимъ гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Многіе свободные вечера молодой ученый проводилъ вмѣстѣ со старымъ патріархомъ русской ботаники въ живыхъ бесѣдахъ по научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Оба высоко

щѣнили другъ друга. И въ семьѣ А. Н. Бекетова, его женѣ и дочеряхъ, А. Н. тоже приобрѣлъ сочувствующихъ ему друзей, отзывчивыхъ на его запросы и тревоги — поддержка не мало-важная, въ виду существованія среди ученыхъ антагонизма и связанныхъ еѣ этимъ мелкихъ интригъ.

А. Н. Красновъ въ студенческіе годы.

Впрочемъ, благодаря открытому симпатичному характеру А. Н., далеко не чуждому общественности, вокругъ него всегда группировались другіе сверстники, съ идеальными потребностями. Такъ и въ университетѣ мало-по-малу образовался, параллельно официальному Обществу Естествоиспытателей, въ которомъ такъ же, какъ и въ Географическомъ Обществѣ, А. Н. принялъ самое

дѣятельное участіе, еще и кружокъ молодыхъ ботаниковъ. Собирался онъ около уже немолодого тогда, но очень отзывчиваго ботаника, позднѣе академика и извѣстнаго миколога М. С. Воронина, но душою кружка несомнѣнно былъ А. Н.; такъ какъ именно послѣ отъѣзда его въ Харьковъ вскорѣ распался и кружокъ. Въ кружокъ этотъ входили изъ лицъ, пріобрѣтшихъ позднѣе извѣстность, В. Н. Аггеевко, Н. И. Кузнецовъ, Г. И. Танфильевъ, А. А. Антоновъ и нѣкоторые другіе.

Съ перваго же курса Университета А. Н. предается своей страсти къ путешествіямъ, которая сыграла такую видную роль во всей его жизни. Первая его поѣздка была совершена въ предгорія Алтая въ составѣ экспедиціи, снаряженной Министерствомъ Императорскаго Двора. А. Н. проѣхалъ туда черезъ Уралъ, поднялся по рѣкамъ и совершилъ разѣзды на перекладныхъ черезъ киргизскія степи. Свои геоботаническія изслѣдованія А. Н. производилъ въ Бійскомъ округѣ на Катунскихъ бѣлкахъ и въ Бухтарминской долинѣ. Юный студентъ добросовѣстно исполнилъ возложенныя на него порученія. Частію на лошадахъ, частію пѣшкомъ обошелъ онъ порученный ему районъ и вернулся лишь тогда, когда истратилъ все выданное ему пособіе буквально до послѣдней копѣйки. Вернувшись домой, онъ просилъ заплатить за извозчика! О своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, остроумныхъ наблюденіяхъ среди народа онъ писалъ письма своимъ роднымъ. Научныя же наблюденія изложилъ въ поэтически образно написанномъ отчетѣ («О растительности Алтая»¹⁾), который прочелъ въ засѣданіи Общества Естествоиспытателей. Здѣсь онъ впервые проявилъ способности блестящаго лектора, сразу выдѣлившія его не только среди молодыхъ, но и болѣе старыхъ ученыхъ. Съ этого времени онъ былъ принятъ въ ихъ среду, и сталъ бывать у ученыхъ профессоровъ уже не въ качествѣ студента, а въ качествѣ болѣе молодого товарища.

Въ слѣдующемъ году А. Н. совершилъ вторую поѣздку по Симбирской и Нижегородской губерніямъ, гдѣ производилъ геоботаническія изслѣдованія подъ руководствомъ проф. В. В. Докучаева. Поѣздка эта дала А. Н. обильные матеріалы, которые онъ использовалъ отчасти въ его отчетахъ Географическому Обществу, отчасти въ большой работѣ, написанной имъ на золотую медаль—«О зависимости между почвою и растительностью въ Юго-Восточной Россіи», — въ слѣдующую зиму.

¹⁾ «Труды Спб. Общества Естествоиспытателей», 1886 г.

²⁾ «Матеріалы по изученію русскихъ почвъ», подъ редакціею А. Софѣтова и В. Докучаева, вып. 2 и 3, 1886 и 1887 гг.

Интересна была въ этой поѣздкѣ встрѣча А. Н. съ крестьяниномъ Сергѣемъ Новожиловымъ, не оставшаяся безъ вліянія на жизнь ихъ обоихъ впослѣдствіи. Увлеченный талантомъ и способностью русскаго простолюдина, А. Н. занялся образованіемъ Новожилова, не покидая его изъ вида и впослѣдствіи. Когда А. Н. переѣхалъ въ Харьковъ, онъ выписалъ Новожилова туда, устроилъ его при географическомъ кабинетѣ, обучилъ фотографіи. Новожиловъ дѣлалъ много снимковъ для научныхъ работъ А. Н. Сына же Новожилова А. Н. воспитывалъ въ своей семьѣ и довелъ до высшаго учебнаго заведенія.

Въ 1885 году А. Н., только-что окончившій курсъ университета, совершилъ большую экскурсію въ Калмыцкія степи, — частью одинъ, частью въ качествѣ помощника профессора горнаго института И. В. Мушкетова. Цѣлью его изслѣдованій на этотъ разъ было «показать зависимость, существующую между почвами и растительностью Калмыцкихъ степей, отыскать связь между областями различной древности, ихъ почвами и флорою, и ближе познакомиться съ составомъ и свойствами травъ, встрѣчающихся на сыпучихъ пескахъ Каспійскаго побережья, дабы указать между ними формы, годныя для закрѣпленія бархановъ»¹⁾. Какъ видно изъ этихъ словъ, у него теорія шла объ руку съ практикой, и высшія научныя соображенія немедленно проводились въ жизнь. Это была самая характерная черта А. Н. Онъ никогда не вырождался въ тотъ типъ кабинетнаго ученаго, какимъ обыкновенно представляютъ у насъ людей науки. Онъ широко охватывалъ предметъ, деревья никогда не заслоняли у него лѣса; будучи въ то время только ботаникомъ по специальности, онъ интересовался во время своего путешествія также и всякими другими явленіями. Поэтому и въ отчетѣ, читанномъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, А. Н. далъ характеристику степей Астраханской губерніи не только въ отношеніи почвы и растительности, но и фауны и населенія. За этотъ отчетъ Географическое Общество избрало его въ свои дѣйствительные члены.

Свои впечатлѣнія отъ поѣздки по этому, въ то время еще дикому и пустынному, краю А. Н. очень живо и картинно рассказывалъ въ частныхъ кружкахъ — между прочимъ на воскресныхъ вечерахъ въ редакціи «Недѣли». Это дало мысль П. А. Гайдебурову пригласить А. Н. описать свои впечатлѣнія въ

¹⁾ Геоботаническія изслѣдованія въ калмыцкихъ степяхъ. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXII.

очеркахъ для «Книжекъ Недѣли». Такъ началось въ этомъ журналѣ печатаніе путевыхъ впечатлѣній А. Н. Онъ дѣлился и впослѣдствіи на страницахъ того же журнала своими путевыми впечатлѣніями—вплоть до самаго прекращенія изданія «Недѣли». Въ названномъ журналѣ напечатаны, какъ его первыя впечатлѣнія отъ поѣздокъ по Россіи и въ Западной Европѣ, такъ и описанія его большихъ путешествій по Азіи. Путевые очерки А. Н. по своей живости, яркости красокъ, сразу обратили вниманіе читающей публики на молодого ученаго.

Зиму 1885-86 годовъ А. Н. оставался въ Петроградѣ, гдѣ готовился къ магистерскому экзамену, заканчивалъ разборку и систематизацію собранныхъ имъ коллекцій, хранящихся и донынѣ въ Университетѣ и Ботаническомъ саду и подготавливался къ новому большому путешествію въ Тяньшанскія горы, составившему цѣлую эпоху въ его научной дѣятельности.

Путешествіе это было снаряжено Императорскомъ Географическимъ Обществомъ и имѣло спеціальною задачею изслѣдованіе ледниковъ группы Ханъ-Тенгри. А. Н. былъ прикомандированъ къ экспедиціи, какъ ботаникъ, для изученія флоры высокихъ нагорій этой группы. Однако, съ согласія Общества, А. Н. расширилъ свою задачу и изучилъ также предгорія Заилійскаго Алатау и долину рѣки Или между китайскою границею и берегами озера Балхаша.

А. Н. выѣхалъ изъ Петрограда уже въ мартѣ 1886 г. и прибылъ въ Вѣрный 25 марта. Отсюда онъ выѣхалъ дальше, снабженный необходимыми со стороны мѣстной администраціи предписаніями, въ сопровожденіи двухъ джигитовъ и казака. Верхомъ на лошади, имѣя сзади пару наемныхъ верблюдовъ, А. Н. совершалъ изслѣдованіе дотолѣ совершенно неизвѣстной въ естественно-историческомъ отношеніи Области Сыртовъ; онъ прошелъ путемъ Пржевальскаго извѣстный, по описаніямъ этого путешественника, перевалъ Бедель и посѣтилъ городъ Учъ-Турфанъ въ Кашгаріи.

Изслѣдованія свои А. Н. производилъ съ упорствомъ и неутомимостью. Такъ, изслѣдуя флору въ долинѣ рѣки Текеса, А. Н. потерялъ въ потокѣ рѣки Агіаза (притока Текеса) свою лошадь и не пошелъ дальше только за полнымъ отсутствіемъ проводниковъ, такъ какъ среди пограничныхъ русскихъ поселенъ совершенно не оказалось людей, знакомыхъ съ этой мѣстностью. Не желая тратить время на представленія китайскимъ властямъ въ городѣ Учъ-Турфанѣ, А. Н. прожилъ въ немъ подъ видомъ доктора. Изъ Учъ-Турфана А. Н. вернулся черезъ перевалы Заук-

шелъ, черезъ Караколь и проходы Койсу и Алматинскую щель, слѣдъ путь въ 3.700 верстъ, цѣлыми днями не слѣзая съ лошади. При этомъ онъ везъ съ собою гербарій, содержавшій около 8.000 растений, собранныхъ несмотря на самыя неблагопріятныя условія. Слѣдуетъ добавить, что экскурсію эту А. Н. совершилъ на самыя ограниченныя средства.

Выполняя свою научную задачу, А. Н., вѣрный своему привычному сердцу, не забывалъ и человѣческихъ отношеній. Во время путешествія онъ завязалъ массу знакомствъ во всевозможныхъ кругахъ общества. Между прочимъ, онъ встрѣтился въ степи съ однимъ молодымъ киргизомъ, нѣкимъ Сыртановымъ, и такъ увлекъ его своими разсказами, что Сыртансъ поѣхалъ въ Петроградъ получать университетское образованіе. Въ Петроградѣ они были нѣкоторое время дружны, и А. Н. ввелъ его въ нѣкоторые профессорскіе дома.

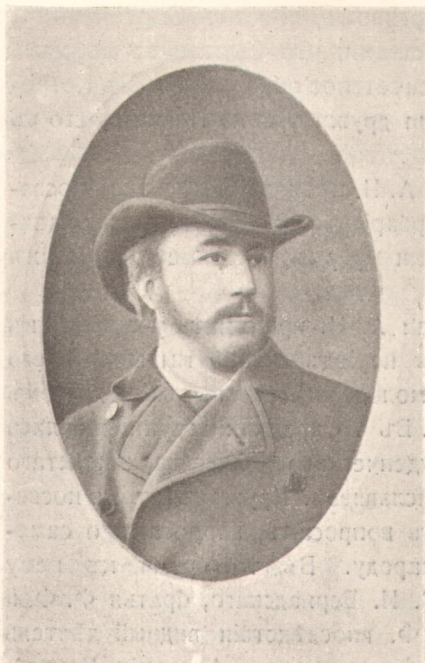
Вернувшись въ Петроградъ, А. Н. нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ разборкѣ привезенныхъ гербаріевъ, среди которыхъ оказалось немало новыхъ видовъ или формъ, впервые открытыхъ А. Н. на Тянь-Шанѣ.

Научныя занятія не мѣшали А. Н. принимать участіе и въ общественной жизни. Въ этотъ періодъ жизни мы видимъ его въ средѣ тогдашней передовой молодежи, вмѣстѣ съ его другомъ по гимназіи В. И. Вернадскимъ. Въ то время они группировались около научно-литературнаго студенческаго общества, закрытаго впоследствии при ректорѣ Владиславлевѣ. Кружокъ этотъ посвящалъ много времени этическимъ вопросамъ, вопросамъ о саморазвитіи и объ отношеніи къ народу. Въ то время къ нему принадлежали, кромѣ А. Н. и В. И. Вернадскаго, братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги (старшій Ф. Ф. впоследствии видный дѣятель по народному образованію, С. Ф.—секретарь Академіи Наукъ), С. Э. Крыжановскій (впоследствии государственный секретарь), кн. Д. И. Шаховской (земскій дѣятель), К. А. Агафоновъ (литераторъ), С. А. Храповицкій и друг. Посѣщалъ А. Н. также и кружокъ, собиравшійся вокругъ г-жи Калмыковой, изъ котораго впоследствии возникло книгоиздательство „Посредникъ“, съ опредѣленнымъ народническимъ направленіемъ.

Сдавъ зимою 1887 года магистерскій экзаменъ, весной того же года А. Н. отправился въ заграничную командировку отъ университета въ Западную Европу для закончанія своего научнаго образованія.

III.

Свою заграничную командировку А. Н. началъ съ путешествія по Европѣ. Необходимо сказать, что въ тѣ времена пособія оставленнымъ при университетѣ выдавались вообще довольно скудно. Своихъ же средствъ у А. Н. не было. Поэтому путешествіе приходилось совершать на очень скромныхъ началахъ, между тѣмъ, молодому ученому хотѣлось видѣть собственными

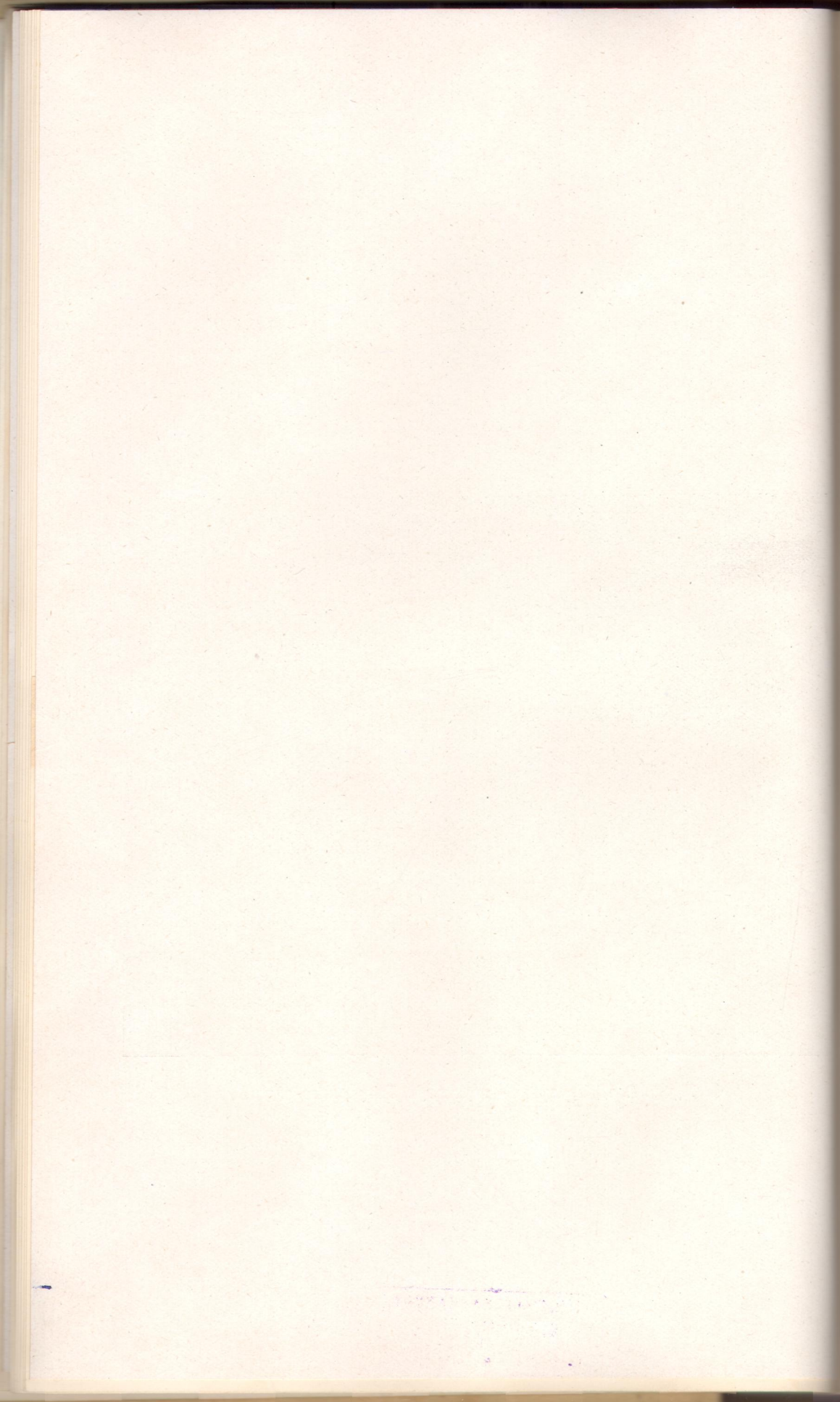

Портретъ А. Н. Краснова, относящійся къ дохарьковскому періоду его жизни.

лазами очень многое. Поэтому А. Н. выѣхалъ въ 3 классѣ и такъ доѣхалъ до Швейцаріи, гдѣ нѣкоторое время занимался у Шретера въ Цюрихѣ флорой альпійскихъ ледниковъ. Оттуда онъ направился частью пѣшкомъ, частью по желѣзной дорогѣ, изучать въ жизни то, съ чѣмъ уже познакомился въ кабинетахъ. Благодаря общительности характера и основательному знанію французскаго и нѣмецкаго языковъ, А. Н. сразу удалось увидѣть очень многое. Нѣсколько разъ онъ присоединялся къ группамъ швейцарскихъ студентовъ, путешествовавшихъ со своими профессорами, и можно сказать, исходилъ всю Швейцарію; тѣмъ болѣе, что А. Н. не жалѣлъ своихъ силъ и однажды даже заболѣлъ отъ переутомленія, послѣ большихъ переходовъ по горамъ, и долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть въ гостиницѣ. Природа Швейцаріи произвела сильное впечатлѣніе на А. Н. своей красотой, хотя онъ все время сравнивалъ ее съ видѣнными уже имъ не менѣе величественными, и болѣе дикими красотами Алтая и Тянь-Шаня. Но, будучи въ Швейцаріи только туристомъ, А. Н. очень сожалѣлъ, что не могъ познакомиться съ ея

Проф. А. Н. Красновъ—директоръ Батумскаго сада.

народомъ—толпа туристовъ заслоняла народъ, и Швейцарія въ общемъ произвела на А. Н. впечатлѣніе исполинскаго отеля.

Изъ Швейцаріи А. Н. спустился въ Италію. Въ первыхъ письмахъ его изъ этой страны звучитъ досада на незнакомство съ итальянскимъ языкомъ. Однако, лингвистическія способности А. Н. были такъ велики, что, спустя нѣсколько дней, онъ уже путешествуетъ по Италіи частью пѣшкомъ, частью въ 3 классѣ, въ обществѣ итальянскихъ солдатъ и просто народа, съ которыми свободно объясняется, при чемъ его принимаютъ за француза. Проѣхавъ всю Италію, съ сѣвера на югъ, А. Н. остановился на болѣе продолжительное время въ Неаполѣ, гдѣ занимался на морской зоологической станціи.

Къ осени А. Н. черезъ Венецію и Вѣну пріѣхалъ въ Бреславль, гдѣ долженъ былъ слушать лекціи у мѣстныхъ ботаническихъ знаменитостей, Кона и Энглера.

Оба ученые очень радушно приняли своего русскаго коллегу—пригласили бывать у себя дома. Жизнь въ Бреславлѣ пошла очень тихо и однообразно. Большую часть дня А. Н. посвящаетъ своей диссертациі, начатой еще въ Петроградѣ, отсылая написанныя главы для печатанія въ типографію Академіи Наукъ. Тамъ печатались въ то время «Записки Русскаго Географическаго Общества», одинъ изъ томовъ которыхъ составила диссертациія А. Н. Любознательность А. Н., конечно, привлекла его къ участию и въ студенческихъ коммерсахъ и въ засѣданіяхъ Бреславскаго Общества Любителей Естествознанія. Хотя А. Н. принимали вездѣ радушно, но въ общемъ нѣмецкій складъ жизни былъ ему не по душѣ. Онъ очень скоро затосковалъ по Россіи, и писалъ, что если бы не случайная встрѣча съ русскимъ ученымъ, К. Д. Хрущовымъ, онъ бы пропалъ съ тоски. К. Д. Хрущовъ—талантливый петрографъ, много путешествовавшій по Мексикѣ, совершившій цѣлый рядъ цѣнныхъ научныхъ открытій, по свойственной многимъ русскимъ безалаберности, застрѣлъ въ Германіи, женился на нѣмкѣ и настолько палъ духомъ, что не помышлялъ даже вернуться въ Россію. Знакомство съ А. Н. пробудило его энергію; они говорили по разнымъ вопросамъ цѣлыми днями, и въ концѣ-концовъ подъ вліяніемъ своего молодого друга, К. Д. Хрущовъ вернулся въ Россію, гдѣ впослѣдствіи съ честью занималъ кафедру въ медико-хирургической академіи въ Петроградѣ.

Тѣмъ не менѣе, тоска А. Н. была настолько сильна, что родные и очень расположенный къ нему проф. А. Н. Бекетовъ

рѣшили выписать его въ Россію на рождественскія каникулы, чтобы пріободрить его отъ нѣмецкихъ впечатлѣній.

Поѣздка въ Петроградъ очень освѣжила А. Н. Онъ повидался съ своими друзьями и товарищами, привезъ для напечатанія въ «Книжкахъ Недѣли» нѣсколько статей о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, подвинулъ печатаніе своей диссертациі и въ январѣ мѣсяцѣ снова поѣхалъ въ Бреславль.

Статьи А. Н. въ «Книжкахъ Недѣли» заслуживаютъ особаго вниманія. Казалось бы, что интереснаго можно сообщить о германскихъ и итальянскихъ городахъ, о природѣ Испаніи, которая въ Россіи знакома лучше, чѣмъ сама родина. Но А. Н. смотритъ на жизнь и природу Западной Европы съ совершенно особой точки зрѣнія. Онъ сравниваетъ ее съ жизнью азіатскихъ пустынь и китайскихъ окраинъ и приходитъ къ совершенно неожиданнымъ параллелямъ. При всемъ томъ статьи эти написаны ярко, образно, живо и необыкновенно объективно. Достоинство отмѣтить, что статьи эти не даютъ почти никакого матеріала для біографическихъ данныхъ—въ противоположность большинству описаній поѣздокъ другихъ авторовъ, преимущественно говорящихъ о себѣ.

Второе пребываніе въ Западной Европѣ переносилось уже гораздо легче. Теперь А. Н. страдалъ только отъ недостатка денегъ, и отъ медленности печатанія диссертациі въ типографіи Академіи Наукъ. Въ Бреславлѣ онъ собрался прочесть сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ о своихъ путешествіяхъ по Азіи и изложилъ свою теорію происхожденія лесса¹⁾. Лекція его имѣла большой успѣхъ среди слушателей, и уваженіе къ нему со стороны нѣмецкихъ ученыхъ очень выросло. Когда А. Н. весною, совершивъ прогулку по Исполинскимъ горамъ—тоже частью пѣшкомъ—отправился въ Берлинъ къ знаменитому тогда профессору географіи Рихтгофену, бреславльскіе ученые дали ему свои рекомендательныя письма. И въ Берлинѣ А. Н. былъ принятъ не какъ ученикъ, но какъ товарищъ, уже заявившій себя учеными трудами. Онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Берлинскаго Географическаго общества (*Gesellschaft für Erdkunde*), въ которомъ читалъ съ большимъ успѣхомъ сообщеніе о своемъ путешествіи по Тянь-Шаню. Эти ученые мемуары были тогда же напечатаны въ нѣмецкихъ изданіяхъ и положили основаніе извѣстности А. Н. за границей, гдѣ его знали и цѣнили въ ученыхъ кругахъ до послѣдняго времени.

¹⁾ Versuch einer Entwicklungsgechichte der Flora der hochalpinen Gebiete in Thian-Schan. Schlesisches Verein für vaterländische Kultur. 1887.

Изъ Берлина А. Н. отправился въ Галле къ Кирхгофу. Пребываніе въ Галле въ ученомъ нѣмецкомъ обществѣ оставило наиболѣе пріятныя впечатлѣнія на А. Н. Онъ писалъ, что тѣ непріятныя впечатлѣнія, какія онъ переживалъ раньше, окончательно изгладились подѣ вліяніемъ пребыванія въ Галле и работы совмѣстно съ Кирхгофомъ.

Изъ Галле А. Н. отправился въ Парижъ, гдѣ изучалъ флору ледниковыхъ областей Альпъ подѣ руководствомъ Реневье. Въ Парижѣ онъ встрѣтилъ многихъ своихъ петроградскихъ друзей— между прочимъ, Ф. Д. Батюшкова (впослѣдствіи редактора «Мира Божія»), В. И. Вернадскаго и другихъ. И здѣсь онъ читалъ сообщеніе въ Парижскомъ Географическомъ обществѣ¹⁾. Отправившись отсюда въ Испанію, онъ не ограничился посѣщеніемъ страны въ качествѣ туриста, но экскурсировалъ по ней, какъ натуралистъ и познакомился съ испанскими учеными.

Заграничная поѣздка завершилась посѣщеніемъ А. Н. Лондонскаго конгресса геологовъ. А. Н. участвовалъ во всѣхъ экскурсіяхъ и торжествахъ, устраивавшихся англичанами по этому случаю, и когда приходилось отвѣчать на привѣтствія по адресу русской, венгерской и балканской группъ, то всѣ выступления приходилось ему принимать на себя, такъ какъ изо всѣхъ членовъ онъ наилучше владѣлъ иностранными языками.

Къ концу 1888 года А. Н. вернулся въ Петроградъ и сталъ энергично торопить печатаніе своей диссертациі. Къ концу года она вышла въ свѣтъ, а въ слѣдующемъ 1889 году 18-го марта состоялась и защита этой диссертациі въ Петроградскомъ университетѣ.

IV.

«Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня»—одна изъ выдающихся ученыхъ работъ А. Н. Написана она, какъ результатъ его поѣздки, и потому значительная часть ея описательная. Въ книгѣ А. Н. дается климатологическій и гидрографическій очеркъ Тянь-Шаня; очень подробно описаны открытые А. Н. ледники въ горной группѣ Хань-Тенгри, и, наконецъ, въ ней впервые дано подробное описаніе растительныхъ формацій южной части восточнаго Тянь-Шаня и списки растеній, встрѣчающихся въ этой мѣстности.

Эта часть работы, по мнѣнію высказанному проф. Гоби, однимъ изъ официальныхъ опонентовъ на диспутѣ, пред-

¹⁾ Comptes Rendus d'un voyage en Asie. Journal de la Société de Géographie de Paris. 1888.

ставляетъ нѣчто аналогичное съ классическимъ трудомъ швейцарскаго ботаника Криста объ альпійской флорѣ. Главы о путешествіяхъ на Тянь-Шань, начиная съ китайскаго путешествія Юэнь-дзяня въ VII вѣкѣ, и глава, трактующая о вліяніи человѣка на мѣстную флору, заключаютъ въ себѣ очень много новыхъ любопытныхъ свѣдѣній. И вообще въ книгѣ разсѣяны въ изобиліи наблюденія и факты, представляющіе большой научный интересъ. Особое вниманіе въ свое время привлекли къ себѣ страницы, трактующія о происхожденіи лесса, и глава, посвященная вопросу объ эволюціи рода *Atraphaxis* въ связи съ усыханіемъ Тянь-Шаня.

Вся книга проникнута широкимъ научнымъ духомъ. Изучая развитіе флоры Тянь-Шаня, А. Н. исходилъ изъ впервые формулированнаго у насъ въ ясной отчетливой формѣ воззрѣнія, что существующая флора каждой страны является сочетаніемъ трехъ составныхъ частей растений, оставшихся отъ древней флоры, въ цѣломъ уже исчезнувшей съ лица земли и господствовавшей на ней въ прежнее время, изъ растений древней флоры, измѣнившихся и приспособившихся къ новымъ условіямъ, и изъ растений пришлыхъ изъ сосѣднихъ областей. Разлагая флору любой мѣстности на ея составные элементы и изучая современныя ея развитію измѣненія геологическаго характера, легко замѣтить и даже установить характеръ связи, существующей между явленіями изъ жизни флоры и измѣненіями въ неорганическомъ мірѣ, и начертить исторію развитія флоры. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ методъ изученія растительности позволяетъ освѣтить вопросъ о происхожденіи новыхъ видовъ.

Диспутъ состоялся въ ясный теплый весенній день въ воскресенье, 18-го марта. Объ этомъ диспутѣ сохранилось прекрасное описаніе, сдѣланное покойнымъ редакторомъ «Недѣли» П. А. Гайдебуровымъ («Недѣля». 1889 г. № 13), которое и приводимъ въ выдержкахъ.

«Послѣ чтенія curriculum vitae на кафедрѣ взошелъ диспутантъ. Несмотря на полученныя имъ двѣ золотыя медали (въ гимназіи и университетѣ), это совсѣмъ еще свѣжій молодой человѣкъ, съ лицомъ здоровымъ и энергичнымъ, съ увѣренностью во взглядѣ и движеніяхъ. При всей видимой скромности и сдержанности, ото всей его фигуры вѣетъ чѣмъ-то бодрымъ, смѣлымъ и вмѣстѣ привлекательнымъ. Онъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе на значеніе изслѣдованій въ странахъ съ неособенно роскошною природою. Изученіе тропическихъ странъ навело Дарвина и Уоллеса на открытіе естественнаго

избора и борьбы за существованіе; изслѣдованія, въ особенности ботаническія, странъ пустынныхъ могутъ повлечь за собою открытіе другихъ факторовъ въ дѣлѣ происхожденія видовъ. Особенно благотворными въ этомъ отношеніи должны оказаться, по мнѣнію диспутанта, изслѣдованія Центральной Азіи; обратить вниманіе на эту еще мало извѣстную въ научномъ отношеніи страну и было цѣлью его работы».

«Первымъ возражалъ А. Н. Бекетовъ. Многимъ въ публикѣ было извѣстно, что г. Красновъ—любимый ученикъ маститаго профессора, и такъ какъ самъ профессоръ зналъ, что это не секретъ, то онъ, видимо, хотѣлъ показать свое безпристрастіе въ отношеніи къ диспутанту, и перешелъ черезъ край:—перебезпристрастилъ. Онъ не только не выдвинулъ ни одного крупнаго достоинства диссертациі, но даже обычные въ подобныхъ случаяхъ поощрительные комплименты какъ-то скомкалъ и проглотилъ, а о мелкихъ недостаткахъ отозвался рѣзко и даже какъ-будто съ раздраженіемъ. Впослѣдствіе стало извѣстно, что п. Бекетовъ сильно волновался за своего любимца въ предвидѣніи возраженій со стороны другихъ оппонентовъ, но хотя таковыхъ оказалось, дѣйствительно, очень много,—г. Бекетовъ напрасно волновался: ученикъ не сконфузилъ своего учителя и выказалъ себя полнымъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ». Послѣ проф. Бекетова возражалъ проф. Гоби. Его возраженія касались главнымъ образомъ различныхъ мелкихъ дефектовъ. Затѣмъ послѣдовала «дѣлая рать неофициальныхъ оппонентовъ. Работа г. Краснова, хотя написанная на степень магистра ботаники, касается многихъ вопросовъ и по другимъ отраслямъ науки. Проф. Иностранцевъ вступилъ съ диспутантомъ въ продолжительное пререканіе по вопросу о происхожденіи лесса; проф. Войейковъ, въ качествѣ метеоролога, завелъ рѣчь о климатѣ Тянь-Шаня, о направленіи вѣтровъ въ Азіи въ доисторическія времена—рѣчь настолько длинную и специальную, что одинъ изъ профессоровъ не выдержалъ и напомнилъ оппоненту, что диспутъ происходитъ по предмету ботаники, а не метеорологіи. Затѣмъ возражали диспутанту проф. Петри въ качествѣ географа, проф. Костычевъ въ качествѣ агронома, проф. Вагнеръ въ качествѣ зоолога. Присутствовавшее на диспутѣ одно духовное лицо не безъ остроумія замѣтило по этому поводу: «Ну, я подожду еще, чтобы возразилъ Менделѣевъ, какъ химикъ, а тамъ уже попробую и я, какъ священникъ». До этого, однако, не дошло, и диспутъ закончился нѣсколькими порядами словами проф. Докучаева. Онъ очень кстати напомнилъ, что въ теченіе диспута, длившагося около четырехъ часовъ, не

было сказано ничего о самомъ главномъ—о существѣ работы г. Краснова, заключающей въ себѣ столько разностороннихъ матеріаловъ и цѣнныхъ вкладовъ въ науку. Работа диспутанта представляетъ изъ себя не только замѣчательную цѣнность въ ботаническомъ, географическомъ, почвенномъ и другихъ отношеніяхъ, но въ ней заключается столько новыхъ открытій и притомъ сообщенныхъ въ качествѣ не голыхъ фактовъ, а обработанныхъ научно, какъ въ рѣдкой работѣ. Въ качествѣ «почвенника» проф. Докучаевъ отмѣтилъ открытый г. Красновымъ фактъ нахожденія чернозема на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня, т. е. тамъ, гдѣ, по выраженію профессора, онъ даже и не снился нашимъ ученымъ. Послѣ рѣчи профессора Докучаева, встрѣченной аплодисментами, деканъ факультета проф. Совѣтовъ провозгласилъ г. Краснова магистромъ ботаники, и многочисленные оппоненты молодого ученаго первые привѣтствовали его обычными лобзаніями.

На этомъ диспутѣ намѣтились друзья и недруги А. Н., сохранившіе свое отношеніе къ нему и на всю слѣдующую жизнь. Одни ученые и въ послѣдующихъ работахъ его не видѣли ничего, кромѣ опечатокъ и неточныхъ цитатъ. Напротивъ, другіе, какъ В. В. Докучаевъ, И. В. Мушкетовъ, А. Н. Бекетовъ и пр. цѣнили широкое научное міровоззрѣніе и яркую научную фантазію А. Н. Въ ближайшемъ засѣданіи совѣта университета А. Н. Бекетовъ поднялъ вопросъ о награжденіи диспутанта ученою степенью доктора, въ виду исключительно выдающихся достоинствъ диссертациі. Предложеніе это, однако, было отклонено преимущественно голосами математиковъ, находившихъ, что не слѣдуетъ создавать прецедента, хотя дѣйствовавшій тогда университетскій уставъ и давалъ такое право (впослѣдствіи такой прецедентъ былъ созданъ).

Кратковременный ученый триумфъ, чествованіе молодого магистра многочисленными его почитателями,—а затѣмъ передъ А. Н. всталъ вопросъ объ устройствѣ своего будущаго въ матеріальномъ отношеніи.

Въ это время въ русскихъ университетахъ создавались на физико-математическихъ факультетахъ новыя кафедры географіи, науки, которая до тѣхъ поръ въ русскихъ университетахъ не читалась, и вообще въ Россіи почти не существовала. До сихъ поръ А. Н. работалъ преимущественно въ области ботаники. Но его разностороннее развитіе, многочисленные путешествія, подготовка у П. П. Семенова въ Россіи, Рихтгофена и Кирхгофа въ Германіи—дѣлали для него возможнымъ и занятіе кафедры

географіи. А. Н. Бекетовъ еще во время поѣздки А. Н. въ Западную Европу въ письмахъ совѣтовалъ ему рѣшиться на этотъ шагъ и заранѣе подготовиться для этой цѣли. Послѣ защиты диссертациі въ Петроградѣ выяснилось, что ни на университетскую кафедру по ботаникѣ, ни на должность директора ботаническаго сада, которая дала бы возможность независимо работать по этой спеціальности, А. Н. нельзя было рассчитывать въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Съ другой стороны, и кафедры географіи въ столичныхъ университетахъ были уже заняты. Поэтому А. Н. приходилось принять кафедру географіи въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ,—несмотря на то, что такое рѣшеніе нѣсколько измѣняло его прежнюю спеціальность, а усиленная подготовка къ новой кафедрѣ требовала и отсрочки въ чисто научныхъ работахъ, и что въ то время въ провинціи положеніе ученыхъ и профессоровъ, въ частности, было недостаточно благопріятно. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній между Казанью и Харьковомъ, А. Н. принялъ предложеніе занять кафедру географіи въ Харьковѣ, и съ осени 1889 года переселился въ этотъ городъ.

V.

16-го сентября 1889 года А. Н. прочелъ свою вступительную лекцію въ Харьковскомъ университетѣ. Въ ней дана яркая характеристика географіи, какъ она понималась въ прежнее время, и какъ стала она пониматься учеными географіи съ конца XIX вѣка. Въ заключеніе молодой профессоръ выражалъ надежду, что, такъ какъ географія, какъ наука, возникаетъ одновременно на Западѣ и въ Россіи, то русскіе ученые не будутъ въ ней, какъ въ другихъ наукахъ, только учениками и продолжателями западно-европейскихъ ученыхъ, но будутъ и видными ея дѣятелями. «Наука эта, говоритъ А. Н., широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соотвѣтствуетъ намъ русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами¹⁾».

Въ Харьковѣ А. Н. провелъ 23 года — самые дѣятельные годы своей жизни, провелъ ихъ въ неустанной культурной и

¹⁾ «Географія какъ новая университетская наука». Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1889 г.

научной работѣ. Сразу же послѣ своего приѣзда ему пришлось создавать свой курсъ, создавать научныя пособия къ нему, географическій кабинетъ, географическую библіотеку, такъ какъ ничего этого въ Харьковѣ не было. Мало того, — желая отводить въ создаваемомъ ихъ курсѣ землевѣдѣнію болѣе значительное мѣсто Россіи, онъ долженъ былъ продолжать ея изслѣдованіе самъ, такъ какъ научная литература о Россіи давала большіе пробѣлы. Наконецъ, изъ желанія говорить въ своемъ курсѣ преимущественно о томъ, что самъ видѣлъ, а не по книжкамъ,

А. Н. Красновъ въ первый періодъ его харьковской дѣятельности.

А. Н. искалъ случая совершать поѣздки по чужимъ странамъ. Такимъ образомъ, годы, проведенные имъ въ Харьковѣ, были въ то же время годами путешествій.

Уже въ 1890 году А. Н. весной совершаетъ свою первую поѣздку со студентами на Кавказъ (въ Сванетію). Въ тѣ времена въ Россіи это было новостью. Профессора читали только въ кабинетахъ, и А. Н. положилъ основаніе новому приему—чтенія среди природы. Для поѣздки своей ему лично пришлось хлопотать и о льготномъ проѣздѣ у желѣзныхъ дорогъ (въ тѣ времена экскурсіоннаго тарифа еще не существовало), и о посо-

біи въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія. Лѣтомъ того же года А. Н. былъ командированъ въ Вашингтонъ на геологическій конгрессъ, на которомъ онъ читалъ сообщеніе о происхожденіи степей, напечатанное на англійскомъ языкѣ въ трудахъ этого конгресса¹⁾. Воспользовавшись поѣздкой въ Америку, А. Н. проѣхалъ черезъ сѣверо-американскія преріи, къ Соленому озеру, посѣтилъ Йеллустонскій паркъ и Ніагару. Во время поѣздки А. Н. собралъ также обширную англійскую литературу объ американскихъ степяхъ, которою воспользовался впослѣдствіи для своей докторской диссертации.

¹⁾ The black earth of the steppes of southern Russia (Bull. Geolog. Soc. Am. Vol. 3, 1891).

Въ слѣдующемъ году, помимо своей поѣздки на Кавказъ съ студентами, А. Н. все лѣто экскурсировалъ по Полтавской и Харьковской губерніямъ, собирая матеріалы для ряда работъ по флорѣ и вообще природѣ этихъ губерній. Особенно выдѣляется его работа «Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губерніи», изданная въ Харьковѣ въ 1893 году.

Въ 1892 г. А. Н. совершаетъ большое путешествіе вокругъ всей Азіи. Выѣхавъ на пароходѣ Добровольнаго флота изъ Одессы, онъ посѣтилъ Яву, Японію, Сахалинъ и Приморскую область и вернулся обратно. Путешествіе это описано въ его очеркахъ, напечатанныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» за 1893 годъ, вышедшихъ потомъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «По островамъ Далекаго Востока» въ 1896 году. Спустя всего три года, А. Н. беретъ порученіе Удѣльнаго вѣдомства обслѣдовать субтропическія культуры, а главнымъ образомъ культуры чая, которыми вѣдомство предполагало заняться въ Батумской губ. Въ составѣ экспедиціи съ участниками И. Н. Клингенемъ и г. Симонсономъ, которымъ впослѣдствіи было поручено устроить и завѣдывать самыми чайными плантаціями въ Батумской области,—А. Н. объѣхалъ Цейлонъ, южные склоны Гималаевъ, Китай и Японію. Вернулся онъ на родину черезъ Сандвичевы острова и Мексику. Это путешествіе также описано въ очеркахъ, напечатанныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» и вышедшихъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Изъ колыбели цивилизаціи» въ 1898 г. Здѣсь мы имѣемъ первое популярное описаніе культурной Японіи, которую до тѣхъ поръ русскіе знали только по путешествію Гончарова «Фрегатъ Паллада». Научно-культурные результаты этого путешествія даны въ большомъ двухтомномъ сочиненіи: «Чайные округа», изданнымъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ въ 1897 г. Въ этомъ сочиненіи дано описаніе тѣхъ культурныхъ растений, которыя можно съ успѣхомъ разводить въ нашей Батумской области. Нѣкоторыя изъ нихъ тамъ уже и разводятся.

Въ промежутки между этими путешествіями А. Н. успѣлъ написать и защитить въ 1894 г. въ Московскомъ Университетѣ свою диссертацию, написанную на степень доктора географіи — «Травяныя степи Сѣвернаго полушарія»¹⁾. Защита докторской диссертациі дала А. Н. возможность получить званіе ординарнаго профессора въ 1894 году.

Путешествіе въ составѣ экспедиціи Удѣльнаго вѣдомства было послѣднимъ большимъ путешествіемъ А. Н. Послѣ этого

¹⁾ Изв. Имп. Общ. Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ. Т. LXXXIII.

онъ ѣздилъ почти каждый годъ куда-либо,—такъ, онъ побывалъ еще разъ въ Италіи, съѣздилъ въ Турцію (Константинополь, Принцевы острова, побережье Малой Азіи), въ Египетъ, въ Норвегію, которую обогнулъ черезъ Сѣверное море, и побывалъ на Бѣломъ морѣ. Очень часто совершалъ А. Н. поѣздки на Кавказъ, который объѣхалъ верхомъ, обошелъ пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ отъ Баку до Батума и отъ Владикавказа до Карса, а также и по всему Черноморскому побережью и многократно описывалъ его въ научныхъ очеркахъ («Нагорная флора Сванетіи и особенности ея группировки и пр.» Изв. Имп. Русскаго Геогр. Общ., т. XXVII; «Кавказскія цѣпи горъ, параллельныя главному хребту и ихъ роль въ группировкѣ лѣсной и степной флоры Западнаго Кавказа», Труды Общ. Испыт. Природы при Харьк. Univ., т. XXVII; «Матеріалы для знакомства съ грязевыми вулканами восточнаго Закавказья», Труды Общ. Испытателей Природы при Харьков. Univ., т. XXXIV и многіе другіе), и въ популярныхъ фельетонахъ въ «Недѣлкѣ» и въ «Южномъ Краѣ». Но всѣ эти экскурсіи занимали уже не болѣе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Зиму же А. Н. неизмѣнно проводилъ въ Харьковѣ, наѣзжая лишь по дѣламъ и для посѣщенія родныхъ въ Петроградъ.

Въ Харьковѣ А. Н., благодаря своему общительному характеру, очень скоро сошелся со всѣми представителями мѣстной интеллигенціи. Онъ былъ друженъ съ семействомъ профессоровъ Шимкова, Д. И. Багалѣя, съ представителями судебного и педагогическаго міра. Харьковская интеллигенція привлекла А. Н. къ общественной дѣятельности. Въ первые же годы своего пребыванія онъ былъ приглашенъ къ завѣдованію Харьковскимъ «Университетскимъ» садомъ. Садъ этотъ, занимающій обширный участокъ города, находился въ пренебреженіи и даже гулять по нему вечеромъ было небезопасно. А. Н. старался придать ему характеръ парка—ботаническаго сада. Характерно, что эта дѣятельность А. Н. была оцѣнена даже низшими слоями населенія, тѣмъ самымъ «раклемъ», для котораго прежній садъ былъ ареною грабительскихъ походовъ. Существуетъ анекдотъ, будто, когда однажды ночью А. Н. проходилъ черезъ этотъ садъ, его самого хотѣли ограбить, но отказались отъ намѣренія, узнавъ въ немъ популярнаго профессора.

Нѣкоторое время А. Н. состоялъ гласнымъ Харьковской городской думы; въ этотъ періодъ онъ былъ избранъ председателемъ городской музейной комиссіи и устроилъ географическій отдѣлъ городского музея. Какъ живой общественный

человѣкъ, А. Н. принималъ близкое участіе въ дѣятельности Харьковскихъ просвѣтительныхъ учреждений. Въ Х. Обществѣ Грамотности онъ состоялъ одно время членомъ правленія, а въ издательскомъ комитетѣ О-ва и товарищемъ предсѣдателя. Имъ было написано большое число статей для изданной Обществомъ «Народной Энциклопедіи» (изд. Сытина).

Но особенно много труда положилъ А. Н. на Курсы для рабочихъ. Онъ былъ первымъ, откликнувшимся на призывъ совѣта курсовъ, вступить въ ряды преподавателей и помочь совѣту курсовъ расширить программу до размѣровъ программы Народнаго Университета. Въ скоромъ времени по вступленіи въ совѣтъ курсовъ, А. Н. былъ назначенъ предсѣдателемъ ихъ и поѣхалъ въ Петроградъ къ тогдашнему министру финансовъ С. Ю. Витте, у котораго выхлопоталъ субсидію въ 25.000 руб. на постройку спеціального зданія для Курсовъ рабочихъ. Онъ же выхлопоталъ и дальнѣйшія субсидіи на это у Харьковскаго городского управленія. Самъ А. Н. читалъ лекціи на курсахъ, устраивалъ библіотеку, снабжалъ коллекціями кабинеты. При этомъ А. Н. держалъ себя очень доступно со своими слушателями, входилъ въ ихъ интересы, а нѣкоторыхъ, болѣе молодыхъ и талантливыхъ, приближалъ къ себѣ и давалъ имъ уже систематическое образованіе. Онъ самъ занимался съ ними подготовкой къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, и давалъ возможность пройти курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, чтобы потомъ вступить работниками уже на интеллигентномъ поприщѣ.

Помимо преподаванія на курсахъ рабочихъ и, конечно, въ университетѣ, А. Н. съ 1899 года былъ приглашенъ читать также курсъ ботаники въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. Тамъ онъ устроилъ небольшой ботаническій садъ съ оранжереей, стремясь осуществить свой взглядъ, изложенный имъ въ литературѣ. Наконецъ, нѣкоторое время А. Н. преподавалъ географію въ одной изъ женскихъ гимназій и женскомъ институтѣ въ Харьковѣ.

Кромѣ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, А. Н. очень часто выступалъ, какъ въ Харьковѣ и Петроградѣ, такъ и въ другихъ городахъ въ качествѣ публичнаго лектора. Къ этому у него были спеціальныя прирожденныя способности. Громкій ясный голосъ, выразительныя интонаціи, широкіе, изящные жесты и главное, необыкновенно яркое, образное изложеніе. Онъ умѣлъ наэлектризовать аудиторію; его лекціи даже въ избалованномъ Петроградѣ привлекали многочисленную публику и имѣли блестящій успѣхъ. Въ провинціи же ему приходилось выступать

даже въ театральныхъ залахъ. Лекціи его содержали или популярное изложеніе нѣкоторыхъ географическихъ отдѣловъ, или чаще — сообщенія объ его послѣднихъ путешествіяхъ, или послѣднихъ научныхъ работахъ, а въ послѣдніе годы большинство его лекцій были посвящены Батумскому побережью, его культурамъ и иллюстрировались обильными свѣтовыми картинами, изображавшими успѣхи батумскихъ культуръ.

Особенно много работалъ А. Н. надъ созданіемъ «Курса землевѣдѣнія», который и былъ дважды изданъ—въ Харьковѣ въ 1895—99 годахъ и въ Петроградѣ въ 1909 году. Это первый и до сихъ поръ, кажется, единственный общій курсъ землевѣдѣнія, написанный русскимъ ученымъ. А. Н. высказалъ въ немъ обширную эрудицію, собралъ громаднй матеріалъ и мастерски его расположилъ и изложилъ.

Къ сожалѣнію, въ цѣломъ «Курсъ землевѣдѣнія» А. Н. не встрѣтилъ особаго сочувствія въ ученой литературѣ. Ему были поставлены въ вину многочисленныя опечатки, неточныя цитаты и вообще недостатки, подобные тѣмъ, за которые укоряли еще магистерскую диссертацию А. Н. на диспутѣ его официальные оппоненты. Поэтому здѣсь будетъ кстати коснуться досадныхъ недостатковъ работъ А. Н., имѣвшихъ такое печальное вліяніе на его ученую судьбу у насъ на родинѣ. Надо замѣтить, что въ своихъ работахъ А. Н. былъ крайне одинокъ. Въ провинціальномъ университетѣ того мрачнаго періода русской жизни, въ которой пришлось работать А. Н., не было ни достаточнаго количества специалистовъ въ его области, съ которыми оно могъ бы дѣлиться своими научными интересами, ни тѣмъ болѣе достаточнаго количества учениковъ, которые могли бы быть вмѣстѣ и помощниками А. Н. Работы его часто печатались въ провинціальныхъ типографіяхъ, мало приспособленныхъ въ печатанію ученыхъ работъ, или еще хуже—посылались въ Петроградъ, откуда корректуры получались по почтѣ. Всю черновую работу ему приходилось дѣлать самому. Къ этому надо прибавить еще неразборчивость почерка А. Н., его постоянные разъѣзды, при которыхъ ему не было достаточно времени для чисто кабинетной работы. Приходилось работать урывками, въ очень неблагопріятной обстановкѣ, иногда въ гостиницѣ, или въ чужомъ домѣ. При такихъ условіяхъ, описки и опечатки были неизбѣжными спутниками его статей, тѣмъ болѣе, что лично А. Н., по складу своего характера, не склоненъ былъ придавать имъ того важнаго значенія, которое придавали имъ его рецензенты.

Домашняя жизнь А. Н. протекала въ Харьковѣ довольно тихо. Вся она поглощалась ученой работой и общественной дѣятельностью. На развлечения, посѣщенія общества времени оставалось мало. Тѣмъ не менѣе, какъ уже сказано было, А. Н. былъ принятъ во многихъ домахъ харьковского интеллигентнаго общества. Не забывалъ онъ и своихъ петроградскихъ друзей и родныхъ. Хотя дѣловыя отношенія его съ петроградскими учеными акад. А. С. Фаминцинымъ, акад. И. П. Бородинымъ, проф. И. В. Мушкетовымъ и другими давно кончились, каждый прїѣздъ свой въ Петроградъ онъ неизмѣнно посѣщалъ ихъ и обмѣнивался впечатлѣніями по поводу научныхъ новостей. Отношеніе же его къ своимъ роднымъ и друзьямъ дѣтства было поистинѣ трогательно. Изъ cadaго путешествія привозилъ онъ имъ вещицы на память и никогда не забывалъ посѣтить, на какой бы короткій срокъ ни прїѣзжалъ въ Петроградъ.

10-го мая 1898 года А. Н. женился на Анастасіи Николаевнѣ Радаковой, съ которой познакомился въ домѣ профессора Багалѣя. А. Н. Радакова изъ интеллигентной помѣщичьей семьи (братъ ея В. Н. Радаковъ впослѣдствіи былъ членомъ 1-й Государственной Думы) еще раньше встрѣчалась съ А. Н. въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности. Свадьба была отпразднована очень оригинально, въ сельской церкви подъ Харьковомъ, которая должна была закрыться, за ветхостью, на слѣдующій день, въ селѣ среди цвѣтущихъ яблонь. Среди приглашенныхъ былъ одинъ изъ учениковъ А. Н., тогда еще студентъ, Алчевскій, впослѣдствіи извѣстный теноръ, который спѣлъ молодымъ знаменитую эпиталямъ Рубинштейна. Послѣ обѣда, устроеннаго тамъ же среди природы, молодые отправились въ свадебное путешествие по Европѣ—побывали на Принцевыхъ островахъ, въ Италіи, Швейцаріи и черезъ Петроградъ осенью вернулись въ Харьковъ. Женитьба не измѣнила условій жизни А. Н. Жена его тоже не отличалась свѣтскостью, и жили они попрежнему довольно уединенно. Одно время, А. Н. на полученное имъ небольшое наслѣдство послѣ смерти отца построилъ себѣ домъ въ Харьковѣ, неэкономно такъ, что впослѣдствіи черезъ нѣсколько лѣтъ его пришлось продать и остаться еще съ кое-какими долгами; но очень оригинально. При домѣ былъ устроенъ небольшой садъ и оранжерея, въ которыхъ А. Н. разводилъ рѣдкія, преимущественно тропическія растенія, держалъ экзотическихъ птицъ, а въ зимніе мѣсяцы выписывалъ куколокъ для выведенія бабочекъ, которыхъ пускалъ порхать между цвѣтами. Въ такой экзотической обстановкѣ А. Н. любилъ заниматься

своими учеными работами. Въ самомъ домѣ—въ жилыхъ его комнатахъ, обстановка тоже была экзотическая—множество вещицъ, ширмочекъ, статуетокъ, вазъ и т. п., привезенныхъ А. Н. изъ его многочисленныхъ путешествій, украшали комнаты, придавая имъ отчасти музейный характеръ. При послѣдующихъ переѣздахъ на другія, уже частныя квартиры, вещи эти, къ сожалѣнію, мало-по-малу утрачивались, и обстановка въ Батумѣ, гдѣ провелъ А. Н. послѣдніе годы своей жизни, по отзывамъ посѣщавшихъ его лицъ, уже не была такой нарядной.

VI.

Послѣдніе годы жизни А. Н. въ Харьковѣ здоровье стало ему измѣнять. Приходилось ѣздить лѣчиться въ Висбаденъ, на Кавказскія воды. Дальнія путешествія были уже въ тягость. Сгущалась и политическая атмосфера. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ почти все время происходили безпорядки. Все это создавало тяжелую обстановку, но бодрость духа не покидала А. Н., онъ предается особо кипучей дѣятельности. Къ этому періоду относится его работа «Начатки третичной флоры юга Россіи» (Харьковъ, 1910). Для нея А. Н., несмотря на болѣзнь, дѣлавшую для него путешествія уже трудными, лично посѣтилъ окрестности Саратова, Камышина, села Приволье Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи, окрестности Кривого Рога Херсонской губерніи и село Тарасовку въ Области Войска Донского. Въ Саратовѣ, Камышинѣ и Тарасовкѣ А. Н. были лично собраны богатая коллекція отпечатковъ третичной флоры, легшія затѣмъ въ основу написанной имъ работы. Другія коллекціи были собраны при участіи нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ и частныхъ лицъ, интересовавшихся тѣми же вопросами. Коллекціи эти по обработкѣ были подарены А. Н. Петроградскому Ботаническому саду. На основаніи своихъ изслѣдованій, А. Н. приходитъ къ заключенію, что флора, покрывавшая большую часть Средней и Южной Россіи въ третичную эпоху, была очень похожа на туземную флору Батумской области, и эта послѣдняя флора потому похожа на третичную, что въ Батумской области до сихъ поръ сохранились климатическія условія, сходныя съ тѣми, какія когда-то были во всей южной Россіи.

Эта работа была послѣднею работою А. Н. теоретически научнаго характера.

Въ 1911 году издатель «Южнаго Края», въ которомъ А. Н. уже и раньше принималъ дѣятельное участіе, помѣщая

свои фельетоны, содержавшіе по большей части путевыя впечатлѣнія отъ его непрекращавшихся лѣтнихъ поѣздокъ, или статьи, посвященныя Кавказу, надъ поднятіемъ культурной жизни въ которомъ, какъ о томъ ниже скажемъ подробнѣе, А. Н. постоянно работалъ,—пригласилъ А. Н. стать во главѣ редакціи газеты. Послѣ нѣкотораго колебанія А. Н. принялъ это предложеніе и, какъ всегда, горячо и съ увлеченіемъ отдался новому дѣлу. Газета имъ велась въ строго прогрессивномъ духѣ, и при существующемъ у насъ положеніи печати А. Н. въ качествѣ редактора пришлось перенести много тяжелыхъ минутъ и осложненій.

По присущей отъ природы А. Н. разсѣянности и нѣкоторой небрежности, которая вредила А. Н. и въ его ученыхъ работахъ, въ своей редакторской дѣятельности А. Н. еще чаще подавалъ поводъ къ столкновеніямъ съ цензурой. То онъ пропуститъ какой-нибудь непровѣренный слухъ, то неосторожное выраженіе. И противъ него былъ возбужденъ цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ росла извѣстность и популярность А. Н., какъ талантливаго журналиста и редактора, росли и судебные процессы. На 2-мъ Всероссийскомъ писательскомъ сѣздѣ въ Петроградѣ въ 1911 году, А. Н. представлялъ редакцію «Южнаго Края», и сѣздъ почтилъ его избраніемъ въ товарищи предсѣдателя Сѣзда. Зато по возвращеніи изъ Петрограда въ Харьковъ, А. Н. пришлось предстать передъ судомъ судебной палаты съ сословными представителями. А. Н. защищался и самъ, и черезъ извѣстнаго адвоката, и на этотъ разъ кара ограничилась только наложеніемъ на газету крупнаго штрафа.

Такая жизнь, конечно, нисколько не соотвѣтствовала ни состоянію здоровья А. Н., тогда уже весьма разстроеннаго (у него начинался процессъ въ костяхъ ноги, въ концѣ-концовъ сведшій его въ могилу), ни его характеру, очень скромному, благожелательному и мирному, ни его общественному положенію. Поэтому А. Н. сталъ искать выхода изъ создавшагося положенія, сталъ искать иной дѣятельности взамѣнъ литературной и профессорской. Последняя, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе терзала его нервы, не давая достаточно нравственнаго удовлетворенія, такъ какъ онъ не видѣлъ въ послѣдніе годы ни торжества своихъ идей, ни даже появленія молодыхъ учениковъ, которымъ онъ могъ бы ихъ передать. Выходъ онъ нашелъ въ высокой культурной дѣятельности—превращеніи дикаго края въ богатый и

плодоносный, дѣятельности высоко-прославленной еще Гете во II части его «Фауста».

VII.

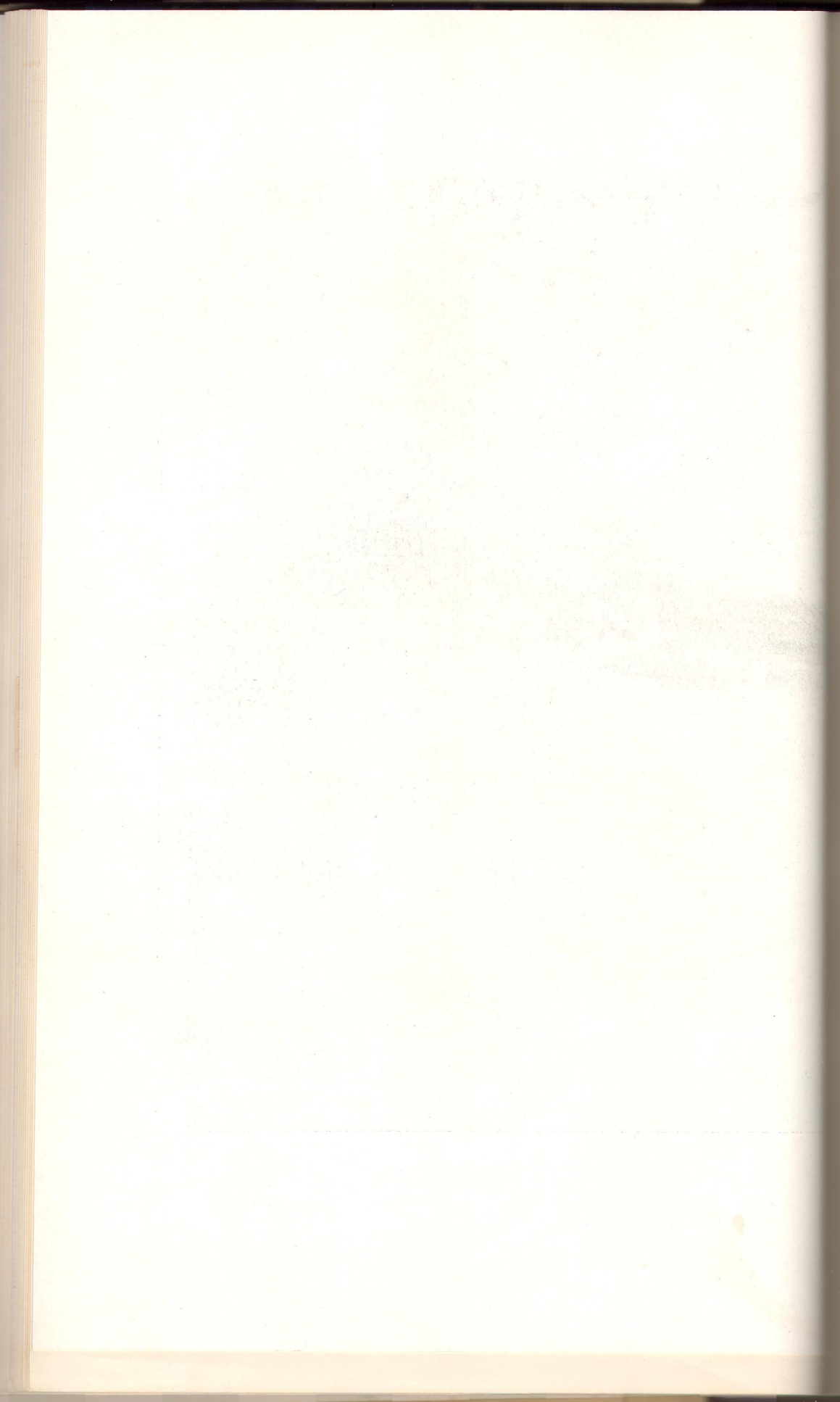
Мы должны вернуться, однако, нѣсколько назадъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ А. Н. зачитывался описаніями путешествій по тропическимъ странамъ и мечталъ самъ повторить ихъ со-временемъ. Судьба не допускала его до этого долгое время. Свою юность и первую молодость А. Н. посвятилъ изученію «странъ съ менѣе роскошной природой»,—и путешествія его были преимущественно по степямъ, на сѣверѣ, или въ холодныхъ горахъ сѣверной Азіи. Одно время онъ, казалось, забылъ южную природу, и въ цитированной нами его дѣтской элегіи говорилъ, что полюбилъ сѣверъ. Но его дѣтская любовь въ дѣйствительности никогда не умирала. Въ 1892 году ему впервые удалось увидѣть настоящій югъ. И около того же времени А. Н. увидалъ наше кавказское побережье, и сразу же оцѣнилъ возможность создать здѣсь ту южную тропическую обстановку, которою онъ баюкалъ себѣ нѣкоторое время въ Харьковѣ, когда случайный достатокъ средствъ это ему позволялъ.

Небольшое наслѣдство, полученное А. Н. послѣ смерти его отца, въ 1900 году онъ употребилъ на постройку дачи на отведенномъ ему около Сочи земельномъ участкѣ. Здѣсь на личныя средства, движимый своимъ пристрастіемъ къ южной природѣ, А. Н. дѣлалъ въ сущности важное общественное дѣло—опыты акклиматизаціи разныхъ рѣдкихъ южныхъ декоративныхъ и промышленныхъ растений. Эти опыты, описанные имъ и въ популярныхъ статьяхъ въ «Южномъ Краѣ» и въ «Книжкахъ Недѣли», и въ специальныхъ сельскохозяйственныхъ журналахъ, сыграли видную роль въ заселеніи и культивированіи черноморскаго побережья. Большинство мѣстныхъ садовладѣльцевъ руководствовались его указаніями съ тою разницею, что А. Н. изъ своихъ опытовъ не извлекъ ничего, кромѣ научнаго интереса, а тѣ получили и матеріальныя выгоды.

Но опыты А. Н. въ Сочи скоро прекратились. Косность нашего Русскаго Общества пароходства и торговли до сихъ поръ еще не побудила его устроить сколько-нибудь сносную пристань въ Сочи, а высадка среди моря въ турецкія фелюги была подъ силу только самому А. Н., выдавшему всякіе виды во время своихъ путешествій, но его семья согласилась подвергнуться такой операціи только одинъ разъ. Въ результатѣ дача въ

Проф. А. Н. Бекетовъ со своими учениками выпуска А. Н. Краснова (Красновъ рядомъ съ проф. Бекетовымъ).

Сочи не могла служить для А. Н. даже лѣтнимъ пребываніемъ. Сверхъ того, расходы на нее росли съ каждымъ годомъ, и въ результатѣ А. Н. пришлось ее продать около 1904 года.

Съ другой стороны, его опыты въ Сочи убѣдили, что климатъ послѣдняго не исключаетъ настолько холодныхъ зимъ, что онѣ могутъ быть гибельны для субтропической растительности, и что русскіе тропики надо устраивать еще южнѣе, въ Батумской области. Тамъ-то и рѣшилъ А. Н. устроить тотъ южный рай, о которомъ онъ мечталъ съ дѣтства. Съ мечтою устройства этого рая, онъ и носился во время своихъ разочарованій въ Харьковѣ послѣдніе годы.

Съ отличавшею А. Н. въ такихъ случаяхъ энергіею, онъ немедленно принялся за осуществленіе намѣченной идеи. Въ началѣ 1912 года онъ поѣхалъ въ Петроградъ и подалъ главному управляющему землеустройствомъ и земледѣліемъ А. В. Кривошеину обстоятельную докладную записку, въ которой предлагалъ устроить на Батумскомъ побережьи, въ указанномъ имъ мѣстѣ, обширный ботаническій садъ, гдѣ бы производились опыты надъ акклиматизаціей въ Батумской области культурныхъ растений, и былъ бы ихъ разсадникъ для края. Записка была составлена такъ обстоятельно, серьезно и убѣдительно, что ей сразу былъ данъ ходъ. А. Н. брался стать во главѣ этого дѣла за самое ничтожное вознагражденіе и готовъ былъ немедленно выѣхать въ Батумъ. И уже въ мартѣ мѣсяцѣ А. Н. отказался отъ должности профессора Харьковскаго университета и редактора «Южнаго Края», и уѣхалъ въ Петроградъ устраивать окончательно дѣла по своему переселенію въ Батумъ.

Въ Петроградѣ онъ былъ настроенъ удивительно бодро, но нѣсколько элегически. Развивающаяся болѣзнь угрожала опасностью, и А. Н. шутя говорилъ, что ѣдетъ умирать въ Батумъ, что ему предсказали, будто тамъ онъ проживетъ всего два года. Тогда всѣ смѣялись, и не хотѣлось вѣрить, что предсказаніе можетъ сбыться. Тогда-то А. Н., съ нѣкоторыми друзьями дѣтства, объѣхалъ мѣста, памятные ему съ юныхъ лѣтъ, и описалъ ихъ въ своихъ фельетонахъ «Южнаго Края»,—мѣста всѣмъ знакомыя и можно сказать прозаическія, въ родѣ Лѣснаго, но подъ перомъ А. Н. они вспыхнули свѣтомъ поэзіи, и описанія вышли оригинальными и интересными, какъ и все, къ чему при- казался А. Н.

Къ лѣту А. Н. уѣхалъ въ Батумъ и принялся за дѣло разбивки сада такъ энергично и успѣшно, что въ два года сдѣлалъ то, на что нужно было десять лѣтъ. Его программа сада была

очень широка. На изрѣзанной ложбинами, ущельями и покрытою довольно высокими холмами площади въ 65 десятинъ долженъ былъ возникнуть садъ, распадавшійся на отдѣлы—японскій, чилійскій, флоридскій, гималайскій, мексиканскій, сѣверо-американскій, новозеландскій и др. Болѣе подробно программа эта изложена въ посмертной брошюрѣ А. Н. «Южная Колхидъ»¹⁾. Къ концу 1914 года садъ по этой программѣ былъ уже почти совершенно готовъ, несмотря на то, что работа его встрѣчала не мало помѣхъ и со стороны формализма казенныхъ учреждений, съ которыми онъ энергично боролся личными увѣщаніями и уговорами, ради которыхъ не лѣнился ѣздить изъ Батума въ Петроградъ, и со стороны разныхъ недоброжелательныхъ критиковъ, желавшихъ показать свои познанія. И замѣчательная черта А. Н.—никогда въ теченіе всей своей жизни не увлекался онъ полемикой ни въ какомъ видѣ; имѣя полную возможность свести счеты со своими недоброжелателями въ газетахъ и журналахъ—ни разу не прибѣгнулъ къ этому средству. Напротивъ, всегда и ко всѣмъ онъ относился благожелательно и благо-склонно, дѣлясь своими знаніями и опытомъ, не заботясь, что изъ этого можетъ быть сдѣлано употребленіе противъ него самого, что его идею выдадутъ за свою и т. п. Отъ того въ концѣ-концовъ у него не было враговъ, а иногда имѣлись лишь завистники,—хотя, по правдѣ сказать, А. Н. довольствовался столь не многимъ, никогда не гнался за внѣшнимъ успѣхомъ, да по самой природѣ своей и не могъ за нимъ гнаться, что и серьезно завидовать ему никто и не могъ бы. Отъ того и люди, относившіеся къ нему сначала недоброжелательно, въ концѣ-концовъ, если не были лишены въ душѣ чувства справедливости, старались загладить свое первоначальное отношеніе и помириться съ А. Н.

А. Н. не терпѣлъ пустоты въ своемъ времени. Поэтому и въ Батумѣ дѣятельность его была очень кипуча. Онъ вступаетъ въ Батумское Общество Сельскаго Хозяйства, редактируетъ издаваемый имъ органъ «Русскіе субтропики», который иногда полностью заполняетъ своими статьями, оригинальными и переводными, посвященными мѣстнымъ культурамъ. Кромѣ того, онъ согласился преподавать географію въ одномъ изъ младшихъ классовъ батумской гимназіи. По отзыву бывшего директора этой гимназіи Г. Г. Генкеля, онъ немедленно успѣлъ вызвать

¹⁾ «Знаніе для всѣхъ». Изданіе П. П. Сойкина. Эта брошюра, прекрасно изданная и богато иллюстрированная, является прекрасной данью памяти «пѣвца Колхиды».

самую сердечную привязанность малышей, которые иначе его не называли, какъ «нашъ профессоръ»¹⁾).

Въ то же время онъ изучаетъ грузинскій языкъ, занимается которымъ началъ еще въ Харьковѣ, передъ переселеніемъ въ Батумъ, переводить грузинскихъ поэтовъ, изучаетъ исторію края и пишетъ брошюру «Южная Колхида»—въ цѣляхъ пропаганды новаго края.

Осенью 1913 года въ Петроградѣ была устроена выставка «Русская Ривьера». А. Н. явился однимъ изъ самыхъ видныхъ ея дѣятелей, привезъ на выставку образцы пататовъ, тропической овощи, которую онъ уже успѣлъ вырастить къ этому времени въ Батумѣ. Онъ читалъ во время выставки интересныя публичныя лекціи, въ которыхъ знакомилъ петроградское общество съ задачами своей настоящей дѣятельности и съ теоретическими ея обоснованіями.

Выставка эта показала, вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что уже было достигнуто краемъ—главнымъ образомъ, въ силу ученыхъ заслугъ самого А. Н., такъ какъ начало культуръ и самая возможность ихъ въ Батумской области была выяснена въ значительной степени его трудомъ «Чайные округа», созданнымъ, какъ результатъ экспедиціи Удѣльнаго вѣдомства 1895 года.

Усиленная работа не могла не отозваться на здоровьѣ А. Н. Лѣтомъ 1914 года ему пришлось ѣхать на Кавказскія минеральныя воды, а оттуда врачи послали его въ Парижъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ началась война, и А. Н. съ большимъ трудомъ удалось вернуться на родину черезъ Марсель и Средиземное море. Черезъ Босфоръ А. Н. пришлось проѣхать въ то время, когда въ немъ уже стоялъ «Гебень», и Турція готовилась къ объявленію войны. Пушки были наведены на корабль, турки издѣвались надъ русскими пассажирами. Настроеніе А. Н. было тяжелое—онъ проѣхалъ изъ Одессы прямо въ мѣстечко Кочетокъ подъ Харьковомъ, въ лѣсничество, въ которомъ постоянно живетъ его сестра и въ это время находилась мать А. Н., а по сосѣдству и его жена съ дочерью. А. Н. пріѣхалъ поздно ночью и былъ, очевидно, очень разстроенъ. Только мало-по-малу онъ оправился. Такъ какъ Турція все еще не выступала, А. Н. отправился въ Батумъ. Но уже спустя нѣсколько дней ему пришлось уѣхать изъ Батума; къ нему подошелъ турецкій флотъ, и съ суши угрожало турецкое войско. А. Н. переѣхалъ въ Тифлисъ. Здѣсь съ непокидающей его энергіей онъ принялся читать лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ,

¹⁾ «Естествознаніе и Географія» 1915 г., № 1.

продолжалъ редактировать «Русскіе Субтропики», занимался разборкой присылаемыхъ для Батумскаго сада растений... Около 10 декабря, однако, костный процессъ на ногѣ обострился, образовался глубокой нарывъ. Мѣстные врачи приняли болѣзнь за простую инфлуэнцу. Повышеніе температуры продолжалось. А. Н. перевезли въ больницу, и 19 декабря онъ скончался отъ зараженія крови.

Хоронили А. Н. очень торжественно. Тѣло его было перевезено въ Батумъ и погребено въ Ботаническомъ саду, на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ ранѣе указалъ, какъ желательное мѣсто погребенія. Въ выборѣ этого мѣста, сдѣланномъ еще задолго до смерти, сказалась вся глубина художественныхъ переживаній, которыя такъ заполняли внутренній міръ А. Н. «Какъ мнѣ эти тополи, говорилъ онъ въ предсмертномъ предчувствіи ¹⁾, напоминаютъ меня самого: вѣдь, для Кавказа тополь—растеніе чуждое, пришлое, такъ же какъ и я—пришелецъ изъ Донскихъ степей. Но эти ліаны такъ сковали эти тополи, что не вырваться имъ изъ власти Кавказа. Не находите-ли аналогіи со мной? Меня тоже сковалъ Кавказъ своими чудными красотами, я не уйду отсюда... Сдѣлайте отъ могилы просьбу, чтобы мнѣ видна была Чаква, съ окружающими ее снѣговыми горами, кусочкомъ моря, я тамъ впервые началъ работу; тамъ тоже осталась частичка моего я... Какъ красивы эти кактусы на группѣ камней у склона, они вѣдь—символь смерти... А бесѣдка изъ бамбука внизу? Какъ это красиво! Вѣдь это символъ красоты и легкости жизни... Я люблю море, но боюсь его безпредѣльности, которую не могу объять... Закройте ліанами деревья, чтобы его не было видно»...

П. К.

¹⁾ См. А. Василевскій. «Профессоръ А. Н. Красновъ, жизнь его и труды» («Русскіе Субтропики», 1914, № 11—12).

Проф. А. Н. Красновъ, какъ ученый.

Существуютъ ли объективные признаки крупнаго таланта, какъ индивидуальности, отмѣченной особой печатью, выдѣляющей даннаго дѣятеля высоко надъ окружающимъ уровнемъ? Къ такимъ признакамъ, органически связаннымъ другъ съ другомъ, по нашему мнѣнію, относятся: прирожденность таланта, его разносторонность, активность и наконецъ даръ угадыванія истины.

Искусственно создать или воспитать дѣйствительный талантъ мы не въ состояніи. Конечно, и среднія способности при благоприятныхъ условіяхъ, настойчивости и упражненіи могутъ достигъ значительнаго изощренія, но и только. Чтобы прокладывать новые пути и смѣло порывать съ старымъ, чтобы мысль могла парить надъ установленными границами, необходимо имѣть нѣчто особенное, заранѣе данное, кроющееся въ самой организаціи. Это и проявляется, съ одной стороны, въ наличности наслѣдственности, а съ другой—въ раннемъ обнаруженіи будущихъ наклонностей. Въмѣстѣ съ тѣмъ, истинный талантъ многостороненъ. Различныя формы духовной дѣятельности, хотя въ теченіе жизни человѣка и дифференцируются, однако, несомнѣнно, имѣютъ общую органическую основу. Поэтому-то такъ часто въ одномъ и томъ же лицѣ, отмѣченномъ высокой талантливостью или даже геніемъ, соединяются различныя творческія способности (Микель-Анджело, Гете, Левъ Толстой), и выдающійся ученый нерѣдко неотдѣлимъ отъ поэта или художника.

Типичной чертой таланта является его активность. Та сторона духовной организаціи, которая почему-то отъ природы явилась усиленной, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы содержитъ въ себѣ и стимулъ, толкающій въ сторону постоянного осуществленія въ дѣйствиі. Въ талантѣ живетъ повышенная потребность удовлетворенія этого стремленія, которая и выливается въ творчествѣ.

Наконецъ, мы говоримъ о талантѣ только тогда, когда онъ кроетъ въ себѣ способность не вообще творить, а творить истину. Что есть истина? — вопросъ этотъ и сейчасъ только

рѣшается въ безчисленныхъ вѣтвленіяхъ нашего духа, и всякая какъ художественная, такъ и болѣе широкая научная истина въ значительной степени познается тѣмъ бессознательнымъ актомъ творчества, въ которомъ какіе-то независящіе отъ насъ процессы ассоціаціи позволяютъ мысли, какъ электрической искрѣ, перескакивать съ старыхъ проводовъ на новые. И если путь этихъ ассоціацій правиленъ, то человѣкъ возносится въ недоступныя для другихъ высокія области созидательнаго творчества и получаетъ право на званіе таланта или генія.

Изъ біографическихъ данныхъ, можно видѣть, что семья и родъ Красновыхъ, откуда вышелъ А. Н., отличалась повышенной интеллектуальностью, несмотря на мало благопріятный окружавшій ихъ общій культурный уровень остальной среды. Цѣлый рядъ родственниковъ А. Н. былъ писателями и частью изслѣдователями, другіе выдѣляются своимъ умственнымъ развитіемъ и усиленной духовной жизнью¹⁾. Въ самомъ А. Н. Красновѣ очень рано проявляются всѣ тѣ наклонности и влеченія, которыя впослѣдствіи составляютъ содержаніе его жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ первыхъ шаговъ самостоятельной дѣятельности А. Н. ясно обнаруживаетъ двѣ формы творчества — литературно-художественную и научную. Онѣ проникаютъ все его творчество до конца жизни и, то гармонически сливаясь, даютъ настоящіе шедевры таланта, то, вступая въ антогонизмъ, ведутъ къ отрицательнымъ сторонамъ индивидуальности Краснова, за которыя на него сыпались сарказмы и обвиненія. Отрывокъ стихотворенія А. Н., приводимый въ предыдущемъ очеркѣ и относящійся къ юношескимъ годамъ его, обвѣявъ несомнѣнной силой поэтическаго чувства натуралиста-художника. И послѣдній въ немъ живетъ до самыхъ послѣднихъ дней, даже когда онъ, въ предчувствіи скорой смерти, намѣчаетъ себѣ мѣсто могилы... Тонкій эстетическій вкусъ сопровождалъ Краснова какъ въ его литературно-научныхъ произведеніяхъ, такъ и въ будничной жизни. Онъ мыслилъ и писалъ образами, не всегда точными и отдѣланными, но почти всегда оригинальными, выразительными и красочными. Умъ Краснова, какъ губка, жадно

¹⁾ Въ новомъ изданіи «Энциклопедическаго словаря» *Брокгауза и Ефрона* мы находимъ нѣсколько Красновыхъ изъ Области В. Д., въ томъ числѣ братьевъ и отца А. Н.: Красновъ Николай Ивановичъ — военный писатель и изслѣдователь, Красновъ Петръ Николаевичъ — беллетристъ и военный писатель; Красновъ Платонъ Николаевичъ — писатель; Красновъ Иванъ Ивановичъ — писатель и военный дѣятель; Красновъ Иванъ Кузьмичъ — выдающійся боевой генералъ.

впитывалъ въ себя разнообразныя впечатлѣнія и перерабатывалъ ихъ въ яркія цѣльныя картины. И можно съ полнымъ правомъ сказать, что ни одинъ русскій естествоиспытатель не достигалъ такой силы художественнаго чувства и изобразительности, бывшихъ у него, какъ ключъ, изъ глубины таланта. Вотъ, напр., описаніе А. Н. природы пустыни Тянь-Шаня¹⁾. «Напрасно будетъ здѣсь искать путникъ деревьевъ: ихъ нѣтъ—рѣдко, гдѣ между скалъ блеснетъ здѣсь зеленый кустъ приземистой таволги, прутикъ выродившейся чилиги или степной вишни. Только взоръ внимательнаго наблюдателя отличить тамъ и сямъ подъ навѣсомъ скалы или въ ложбинкѣ виднѣющіяся моховинки растеній—лилипутовъ. Рѣдко гдѣ изъ расцелины выглянетъ перистый листъ *Ferula*, ярко-желтый цвѣтокъ *Glaucium* или *Geranium tuberosum*. Они не оживляютъ картины, и общее впечатлѣніе пустыни—пруды голыхъ раскаленныхъ камней и скалъ, постепенно скрывающіяся въ мутной лессовой атмосферѣ.—Оживляется такая пустыня лишь въ маѣ. Тогда являются ковры тюльпановъ, всюду изъ земли появляются громадныя полукруглыя листья *Rheum*. Достигая иногда до $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ, распростертыя по землѣ, расположенныя попарно, они дѣлаютъ ее тамъ, гдѣ поверхность пустыни гладкая и ровная—поразительно пахотжею на поверхность пруда, заросшую листьями кувшинокъ. Къ этимъ листьямъ, массами вырастающими тамъ и тутъ, присоединяются розетки пушистыхъ листьевъ *Scorodosma*, на которыхъ, какъ на блюдѣ кочанъ капусты, появляются большія, иногда лишь немного менѣе дѣтской головы, крупныя цвѣточныя ея почки. Не пройдетъ недѣли, какъ изъ листьевъ ревеней и изъ розетокъ *Scorodosma* вырастаютъ высокія (по поясъ или менѣе) палево-желтыя соцвѣтія. Степь тогда кажется усыпанною кустиками цвѣтовъ—и среди этихъ кустиковъ пробуждается животная жизнь. Массами является сюда степная черепаха; всюду движутся ея щиты, вездѣ видишь, какъ объѣдаются сочныя листья, какъ дерутся изъ-за самокъ самцы, стараясь опрокинуть противника на спину. Теперь забѣгаетъ сюда кара-куйрюкъ, появляются стада кулановъ. Но недолго держатся эти соцвѣтія, являющіяся результатомъ траты веществъ, накопленныхъ въ большихъ подземныхъ богатыхъ смолами корневищахъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Черезъ нѣсколько недѣль сухіе желтые стволы *Scorodosma* увѣшаны черными, невыносимо вонючими плодами. Животная жизнь замираетъ, и только черныя жуки изъ семей-

¹⁾ А. Н. Красновъ. Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня, стр. 238—239.

ства *Longicornia* объѣдаютъ опадающія сѣмена. Теперь оживаютъ и получаютъ силу живущіе подъ камнями тарантулы и скорпіоны, а все живое бѣжитъ изъ раскаленной, безжизненной, непривѣтливой пустыни»... Или въ слѣдующихъ строкахъ Красновъ описываетъ растительность песковъ ¹⁾. «Внѣшній видъ формации Арало-Каспійскихъ песковъ также въ высшей степени оригиналенъ. Онъ вызывалъ удивленіе, нерѣдко восторгъ у большинства путешественниковъ... Подобно прибою морскихъ волнъ, грядобразно тянутся пески Тау-кумъ вдоль Или, то желтою стѣною возвышаясь надъ гладкою, глинистою степью... то вдругъ обрываясь, то правильными грядами, то отдѣльными холмами. И на ихъ ярко-желтомъ фонѣ темными, иногда почти черными пятнами, группами risksданы разнообразныя кустарники формации. Лишенные большею частью листьевъ, они всѣмъ своимъ видомъ выражаютъ истомленіе и жажду, жалобно расprostируютъ свои вѣтви. У однихъ онѣ въ видѣ длинныхъ зеленыхъ иголь, заканчивающихъ какъ бы свѣчи безчисленныхъ канделябровъ, безпомощно торчатъ кверху параллельно другъ другу. Это исполинская *Ephedra*. Рядомъ съ нею возвышается саксаулъ со своими длинными сѣро-зелеными нитями, которыя, свѣшиваясь внизъ, придаютъ большимъ деревьямъ нѣкоторое подобіе старой искривленной, уродливой, лишенной листвы березы. Еще чуднѣе серебряный кустъ куянь-суѣка съ его неподвижными, точно изъ металла вылитыми листочками, среди которыхъ весною развиваются изящныя фіолетовыя соцветія. Тамъ и сямъ поднимаютъ исполинскіе зеленые стержни, усыпанные бѣлыми сѣменами, какъ коралль щупальцами полиповъ, *Salsola subaphylla*... На буграхъ точно исполинскіе пауки растопырили во всѣ стороны свои членистые, изогнутые прутья джугзаны, съ красныхъ, какъ коралль, вѣтвей которыхъ лѣтомъ на длинныхъ зеленыхъ кистяхъ висятъ нѣжныя съ орѣхъ величиной бѣлыя шары сѣмянъ—точно тѣ рѣзные изъ слоновой кости шары, которыми такъ славятся китайскіе токари... Ни шелеста, ни шума не слышно въ этомъ фантастическомъ лѣсу, нигдѣ не раздастся ни птичьяго гаму, ни пѣнія. Лишь громадныя ящерицы, точно исчадія ада, бѣгаютъ по ломкимъ сучьямъ саксаула, и по песку барахтаются жуки. Вѣтеръ уныло завываетъ въ голыхъ вѣтвяхъ саксаула; когда же онъ затихнетъ, мертвое молчаніе царствуетъ среди бугристыхъ песковъ—и мнится, что находишься въ подводномъ царствѣ на песчаномъ днѣ—такъ отличны здѣшнія растительныя формы отъ тѣхъ, къ которымъ привыкъ глазъ».

¹⁾ Ibid. Стр. 249.

Чтобы показать все богатство и сочность красокъ, въ которыя выливался описательный талантъ Краснова, мы приведемъ еще выдержки изъ его описанія ¹⁾ «флоры археофитовъ»—лѣсовъ сильно влажныхъ равномѣрно-теплыхъ областей тропиковъ, которыя Красновъ разсматриваетъ за прямой пережитокъ отдаленнаго геологическаго прошлаго и съ которыми онъ былъ знакомъ на основаніи личныхъ наблюденій. «Какъ въ отложеніяхъ отдаленной каменноугольной эпохи, такъ и здѣсь, лѣса областей облаковъ, есть царство прото- и метафитовъ. Здѣсь господствуютъ три вида древовидныхъ папоротниковъ... Ихъ толстые, какъ у деревьевъ нашей полосы, стволы достигаютъ до 30 ф. высоты, и тамъ, гдѣ эти папоротники растутъ, понемногу окружая какое-нибудь мшистое болотце, они въ той туманной атмосферѣ переносятъ васъ въ обстановку отдаленнѣйшихъ геологическихъ эпохъ... Для глядящаго издали на склонъ, поросшій папоротниковымъ лѣсомъ, онъ кажется убраннымъ нѣжными, пушистыми, какъ страусовыя перья, звѣздами, изъ коихъ каждая представляетъ крону исполинскаго дерева; оригинальные чешуйчатые стволы ихъ бываютъ увиты нерѣдко десятками другихъ нѣжнѣйшихъ видовъ тайнобрачныхъ... Оригинальные, то напоминающіе капитель какой-то колонны, то спускающіеся на вѣтви, какъ какая-то громадная лампада исполинскаго храма, висятъ эффектно на различныхъ высотахъ папоротники—*Aspidium nidus avis*—розетки изящно изогнутыхъ цѣльнокрайнихъ блѣдно-зеленыхъ, какъ исполинскіе листы салата, листьевъ... Вися на такихъ нитяхъ, они напоминаютъ исполинскія зеленыя гнѣзда, годныя для цѣлаго семейства аистовъ. Я еще уподобилъ бы ихъ громаднымъ зеленымъ коронамъ для головъ лѣсныхъ гигантовъ... Но не столько въ видѣ деревьевъ и кустарниковъ или вьющихся лианъ, сколько въ видѣ разнообразнѣйшихъ эпифитовъ... налипли тайнобрачныя на стволы, вѣтви и даже листья деревьевъ и кустарниковъ—точно желая своими соединенными силами задавить и задушить ихъ, какъ атакуютъ пигмеи великана, муравьи издыхающую ящерицу или комары издыхающаго льва...»

Благодаря блестящему дару настоящаго художника быстро схватывать черты сходства и различія, Красновъ, при своемъ громадномъ запасѣ личныхъ наблюденій, мѣстами поднимается на такія высоты сравненія, которыя присущи лишь силѣ первокласснаго таланта. Въ слѣдующихъ, напр., яркихъ строчкахъ,

¹⁾ Проф. А. Н. Красновъ. Географія растений. Стр. 103.

звучащихъ красиво и гордо, онъ передаетъ впечатлѣніе, производимое Гималаями ¹⁾).

«Для наблюдателя, стоящаго на равнинѣ Ганга, Гималаи представляются одною громадною стѣной снѣговыхъ вершинъ, доступъ къ которымъ прегражденъ прерваннымъ во многихъ мѣстахъ рѣчными долинами двойнымъ барьеромъ изъ менѣе высокихъ горъ Малыхъ Гималай и Субъ-Гималайскихъ.—Часто, какъ, напр., это было со мною въ округѣ Кангра, стоя въ области холмистыхъ предгималайскихъ уваловъ, вы видите передъ собою закутанныя вершины темныхъ и мрачныхъ, напоминающихъ черныя горы Кавказа, цѣпей Малыхъ Гималаевъ. Вамъ кажется, что это и есть та величественная черная цѣпь, которая служила оплотомъ индійскимъ народамъ противъ центрально-азіатскихъ нашествій. Уже она одна настолько величественна, что можетъ спорить съ нашимъ Кавказомъ. Но когда вдругъ порывы вѣтра разгонятъ висящія надъ нею облака—передъ глазами развертывается картина подавляющей грандіозности. То, что вы принимаете за грозныя тучи, оказывается закутаннымъ ими невѣроятной высоты горнымъ хребтомъ съ вершинами, тонущими въ снѣгахъ, съ голыми скалами и темною зоной хвойныхъ лѣсовъ. Я созерцалъ хребты Тянь-Шаня какъ съ равнинъ Туранской низменности, такъ и со стороны Кашгаріи и долины Иссыкъ-Куля, я любовался главнымъ хребтомъ Кавказа съ переваловъ и ущелій Сванетіи, съ подножія Эльбруса и Бештау, я видѣлъ Альпы у подножія Юнгфрау и въ лицѣ дикихъ панорамъ Церматта,—но ни одинъ изъ знаменитыхъ горныхъ хребтовъ этихъ, не говоря уже о меньшихъ, подобныхъ Алтаю или скалистымъ горамъ Америки, не можетъ произвести впечатлѣнія, подобнаго тому, какое вы получаете отъ Пиръ-Панджала, стоя гдѣ-нибудь на холмистыхъ окрестностяхъ Нурнура. Вы не въ ущельѣ. Вы въ открытой мѣстности, далеко отъ подножія хребта—такъ далеко, какъ далека Владикавказъ отъ главнаго хребта Кавказа. И, несмотря на это, шапка валится съ головы, когда вы видите эту увѣнчанную снѣгами каменную стѣну, передъ которою ея аванпостъ, подобный Кавказу темный хребетъ, величію котораго вы только-что удивлялись, кажется мизерными холмами. Вы стоите подъ сѣнью стройныхъ пальмъ въ жаркой мѣстности, среди цвѣтовъ и тропическихъ деревьевъ. И кроны пышныхъ вай у васъ проектируются на фонѣ снѣжныхъ полей, обрамленныхъ облаками, витающими около пиковъ, заслоняющихъ

¹⁾ А. Н. Красновъ. Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. Вып. II. Стр. 381 и слѣд.

добрую треть чудно голубого индійскаго небосклона... Вы можете поднявшись на горы до девяти тысяч футовъ, видѣть всю равнину Индіи подъ вашими ногами, какъ громадную географическую карту, развернутую рукою Творца, съ серебристыми струйками рѣкъ, зелеными пажитями и бурыми выгорѣвшими пустырями, пятнами лѣсовъ и едва замѣтными точками—человѣческими поселеніями. Вы выше облаковъ, они плаваютъ внизу подъ вашими ногами въ голубой атмосферѣ неба, задерживающей брѣнную землю неопредѣленной, дрожащей дымкою. Картина доступная развѣ только аэроавту или смѣлому горцу, который, пренебрегая усталостью и холодомъ, залезетъ на неприступный пикъ Кавказа въ родѣ Столовой горы»...

Но если Красновъ—художникъ на каждомъ шагу прорывается въ его болѣе спеціальныхъ работахъ, то тѣмъ болѣе, конечно, онъ выступаетъ на передній планъ въ многочисленныхъ описаніяхъ путешествій и вообще статьяхъ популярно-научнаго характера. Всѣ онѣ читаются съ живымъ интересомъ и невольно переносятъ за собой воображеніе въ тѣ страны или въ ту обстановку, которую описываетъ авторъ. Онъ является изъ нихъ натуралистомъ того лучшаго типа, который далъ рядъ сдѣлавшихся міровыми популярно-научныхъ картинъ природы¹⁾; его вниманіе отмѣчаетъ все, а богатая умственная работа объединяетъ пестрый калейдоскопъ впечатлѣній въ нѣчто цѣльное, въ которомъ чувствуется одно и тоже творческое «я» крупнаго ученаго.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи можно назвать, хотя бы А. Гумбольдта, о которомъ проф. Д. Н. Анучинъ говоритъ (въ вступительной главѣ къ переводу книги А. Гумбольдта «Центральная Азія». 1915 г.): «А. Гумбольдтъ былъ едва ли не послѣднимъ представителемъ того стараго аристотелевскаго типа ученыхъ, которые пытались охватить своимъ духовнымъ взоромъ все естествознаніе и включали въ кругъ своихъ изученій даже такія области вѣдѣній, какъ исторія, филологія, археологія, этнографія, статистика и т. д. Всѣ эти разнообразныя предметы изслѣдованія подчинялись, однако, у Гумбольдта главной, излюбленной имъ области знанія, которую онъ называлъ «физикой земнаго шара». Мы думаемъ, однако, что этотъ высокій типъ ученаго вѣченъ и только онъ можетъ служить руководящимъ свѣточемъ, но, къ сожалѣнію, этотъ идеалъ полностью съ каждымъ годомъ дѣлается все менѣе и менѣе посильнымъ для единичнаго человѣка, вслѣдствіе колоссальнаго роста науки. И А. Н. Красновъ, благодаря его колоссальной памяти, обширной эрудиціи, личному опыту и широтѣ мысли былъ близокъ къ этому идеалу, если бы въ его судьбѣ не сыграли роковую роль нѣкоторыя отрицательныя стороны его индивидуальности.

Здѣсь нельзя не остановиться на одной совершенно индивидуальной формѣ своего рода пластическаго искусства, въ которомъ выливалось художественно - эстетическое творчество А. Н. Краснова и въ концѣ-концовъ опредѣлило его послѣднюю дѣятельность. Это—влеченіе Краснова къ воплощенію научныхъ ботанико-географическихъ образовъ въ видѣ ботаническаго сада. То, къ созданію чего повторно и какъ бы *crescendo* приступалъ А. Н., пока въ его воображеніи не возникъ проектъ грандіознаго Батумскаго сада, не было дѣломъ только холоднаго научнаго плана. Красновъ въ данномъ случаѣ, въ буквальный смыслъ слова, творилъ, какъ художникъ или скульпторъ и хотѣлъ при помощи сада вылить цѣлые аккорды сложныхъ переживаній, какъ чисто научныхъ, такъ и эстетическихъ. Страсть къ цвѣтамъ и яркимъ сочетаніямъ красокъ въ немъ, безъ сомнѣнія, заложена была рано и, повидимому, имѣла благопріятную почву для развитія уже въ дѣтствѣ, благодаря окружавшей его обстановкѣ. И позднѣе мы видимъ, что онъ любитъ работать среди острыхъ научно-эстетическихъ впечатлѣній. Коллекціи бабочекъ изъ всѣхъ странъ свѣта, ярко-окрашенныхъ и щеголяющихъ всяческими нюансами и переливами; оранжерея, утопающая въ рододендронахъ, орхидеяхъ съ звонко поющими, порхающими нарядными экзотическими птичками; акваріумъ съ переливающимися при свѣтѣ электрической лампочки всѣми цвѣтами радуги какими-то рѣдкими рыбками; банки съ благоухающими нарциссами, гіацинтами или нѣжными крокусами на письменномъ столѣ, служили для Краснова какъ бы возбуждателями въ его лихорадочномъ умственномъ трудѣ.

Одна изъ самихъ раннихъ попытокъ Краснова созданія ботаническаго сада, въ которомъ смѣлый ботанико-географическій замыселъ соединялся бы съ эстетическими и научно-образовательными задачами, относится къ первымъ годамъ его профессорской дѣятельности. Приѣхавши въ Харьковъ, Красновъ увлекается мыслью кореннымъ образомъ переустроить Харьковскій «Университетскій садъ» ¹⁾. Онъ берется за дѣло со всей кипучестью своей натуры. Однако, недостатокъ средствъ, без-

¹⁾ См. его статью, помѣщенную сначала въ «Харьковскомъ Сборникѣ», за 1890 г., а потомъ перепечатанную въ «Бюллетеняхъ Харьковскаго О-ва Любителей Природы» (1915, № 2). Отдѣльныя, удачно посаженные деревья въ Харьковскомъ Университетскомъ саду и сейчасъ являются молчаливыми памятниками этого кратковременнаго увлеченія А. Н. Въ большинствѣ же случаевъ даже камни альпійской горки, въ буквальный смыслъ слова, исчезли безслѣдно.

участіе университетскихъ спеціалистовъ и вандализмъ публики постепенно его охлаждають.

Въ теченіе нѣкотораго времени А. Н., выстроивши себѣ особнякъ, пытается дать выходъ своей страсти у себя дома. Онъ устраиваетъ оранжерею и пробуетъ разбить цвѣтникъ и садикъ на маленькомъ участкѣ земли. Но и эта попытка, конечно, не могла быть прочной.

Только позднѣе, приблизительно съ 1906 г., Краснову удается осуществить, хотя и въ скромномъ масштабѣ, свои планы. А именно: онъ, состоя преподавателемъ ботаники въ Харьковскомъ Ветеринарномъ Институтѣ, исхлопатываетъ нѣкоторыя средства для устройства оранжереи и ботаническаго сада при послѣднемъ. Съ большой любовью и вкусомъ А. Н. въ теченіе ряда лѣтъ непосредственно руководить организаціей сада; какъ художникъ, передѣлываетъ неоднократно его детали и въ концѣ-концовъ превращаетъ его въ цвѣтушій красивый уголокъ, въ которомъ каждая мелочь была продумана и прочувствована и должна была служить, если не воспроизведеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ бы символомъ того обширнаго ботанико-географическаго сада, проектъ котораго рисовался передъ умственными взорами Краснова ¹⁾.

Однако, садикъ при Ветеринарномъ Институтѣ не могъ дать дѣйствительнаго удовлетворенія Краснову по многимъ причинамъ. Малая величина участка, занятаго садомъ, не позволяла поставить дѣло въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Климатическія условія не благопріятствовали разведенію большинства южныхъ породъ. Содержаніе же оранжереи съ каждымъ годомъ все острѣе наталкивалось на недостатокъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль Краснова все больше и больше уноси-
лась къ благодатнымъ «русскимъ субтропикамъ»—Черномор-

¹⁾ Несомнѣнно, что А. Н. Красновъ обладалъ выдающимся талантомъ культиватора. Въ немъ сочетались чисто садоводственный опытъ, тонкое художественное чутье и богатая наблюдательность, позволявшая ему чрезвычайно умѣло выбирать растенія и распредѣлять ихъ въ зависимости отъ ихъ обычныхъ требованій къ условіямъ обитанія. Такимъ образомъ его сады дѣйствительно опирались на ботанико-географическіе принципы. Этимъ, вѣроятно, объясняется обычная удача его посадокъ. Въ частности, въ садикѣ Харьковского Ветеринарнаго Института заслуживаютъ упоминанія, до сихъ поръ успѣшно растущая въ грунту (безъ всякаго прикрытія на зиму), *Osmunda regalis* (пересаженная изъ Адлера и удовлетворительно себя чувствующая на сухомъ, но тѣнистомъ, защищенномъ съ сѣвера мѣстѣ), *Gyngko biloba* (растетъ рядомъ съ *Osmunda*; въ настоящее время деревцо превышаетъ ростъ человѣка), *бамбукъ* (*Bambusa* sp.) и нѣк. др.

скому побережью Закавказья. И Красновъ совершаетъ единственный въ своемъ родѣ, полный духовной красоты, шагъ— онъ успѣваетъ увлечь своими планами правительственныя сферы, добивается официального признанія своего фантастическаго въ глазахъ коллегъ сада и, бросивши профессуру, переселяется на далекий Кавказъ въ окрестности Батума. Онъ, привыкшій всегда быть въ непосредственномъ общеніи съ пульсомъ западно-европейской культуры, рѣшительно порываетъ съ прежней жизнью и переноситъ свою дѣятельность въ совершенно иныя условія, въ край совершенно иной господствующей національности, въ мѣстность страшную маляріей... Какъ-будто зачарованный своей идеей, въ которой такъ пестро перемѣшаны чисто научныя стремленія съ какой-то тоской по эстетическимъ ощущеніямъ¹⁾, Красновъ, съ исключительной для его возраста и здоровья, въ особенности у насъ русскихъ, энергіей и настойчивостью весь отдается ей, ея воплощенію, въ смутномъ страхѣ, что дни его сочтены... Въ короткое время въ его рукахъ пустырь началъ вырисовываться въ грандіозное по широтѣ замысла художественно-научное твореніе, но смерть внезапно потушила яркій духовный факель...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что художественный элементъ проходитъ черезъ все творчество Краснова... Но въ то же время онъ никогда не превращается у него въ тяготѣніе къ самодовлѣющему чистому искусству, а всегда имѣетъ въ своей основѣ никогда не успокаивающійся духъ испытующаго природу крупнаго натуралиста. Увлекаясь красотой формъ и сочетаній, Красновъ, тѣмъ не менѣе, еще болѣе находится въ подчиненіи красотъ научной идеи и научнаго обобщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе къ послѣднему въ немъ всегда преобладаетъ надъ спокойнымъ методическимъ изученіемъ фактовъ. Его научно-творческой процессъ съ первыхъ же шаговъ явно обнаруживаетъ, такъ сказать, географическій характеръ. Красновъ ботаникомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова никогда не былъ. Интересъ къ изслѣдованію и познанію отдѣльныхъ растений, какъ организмовъ, у него былъ выраженъ слабо. Растеніе для него было лишь тѣмъ географическимъ элементомъ, съ которымъ больше и сильнѣе всего связались въ силу всей суммы условій его симпатіи, и только.

Уже самыя раннія работы Краснова имѣютъ явно ботанико-географическое направленіе съ широкой постановкой вопросовъ, съ теченіемъ же времени оно лишь усиливается и опредѣляется.

¹⁾ Это видно, напр., изъ его яркой статьи «Сонъ» (см. дальше).

При этомъ характерной чертой мышленія Краснова является его тяготѣніе къ идеѣ развитія вообще и біологической эволюціи въ частности. Онъ всюду ставитъ своей конечной задачей не столько самостоятельное выясненіе, разработку и провѣрку фактовъ, сколько вопросъ о происхожденіи данного біо-географическаго явленія въ сложной зависимости отъ всей совокупности дѣйствующихъ причинъ. По этому значительная часть работъ Краснова носитъ характеръ законченныхъ цѣльныхъ монографій («Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня», «Травяныя степи сѣвернаго полушарія», «Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ.»), въ которыхъ цѣнность фактическаго матеріала отступаетъ далеко на задній планъ передъ блестящимъ умѣньемъ сцементировать въ одно цѣлое разнородные географическіе элементы, освѣтить ихъ общей идеей и отгадать чутьемъ таланта если не полную истину, то значительное приближеніе къ ней. Самымъ крупнымъ по замыслу научнымъ произведеніемъ Краснова въ этомъ направленіи, суммирующимъ итоги всѣхъ его частныхъ работъ и мыслей, является, безъ сомнѣнія, его «Основы землевѣдѣнія» и въ особенности его «Географія растений». Въ нихъ вылилось его пониманіе землевѣдѣнія, какъ «философской науки, пытающейся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человечество»...¹⁾. Это своего рода трилогія, въ которой передъ читателями должна пройти величавая картина эволюціи поверхности земной коры во всемъ сложномъ взаимодействіи опредѣлявшихъ ее и опредѣляющихъ сейчасъ факторовъ. Современный ликъ земли рисуется Краснову въ образѣ медленной, но непрерывно идущей агоніи тропической и субтропической природы третичной эпохи. И гдѣ бы онъ ни былъ, всюду его мысль ищетъ слѣдовъ этого процесса и дѣлаетъ попытки ихъ раскрыть. Стоя въ пустыняхъ центральной Азіи, онъ переживаетъ перипетіи ея умиранія; поднимаясь въ горы подъ тропиками, онъ несетъ воображеніемъ къ чахлой природѣ сѣверо-русской тундры, которая генетически должна была когда-то вести начало отъ своихъ аристократическихъ тропическихъ предковъ. Скитаясь по югу Россіи, Красновъ ищетъ отвѣта на тѣ же вопросы въ третичныхъ отложеніяхъ и не останавливается передъ большой экскурсіей въ область палеонтологіи...

¹⁾ А. Красновъ. Географія, какъ новая университетская наука. Вступительная лекція, читанная 16 сентября 1889 г. въ Харьковскомъ Университетѣ. («Журн. М-ва Нар. Пр.» ч. CCLVI.)

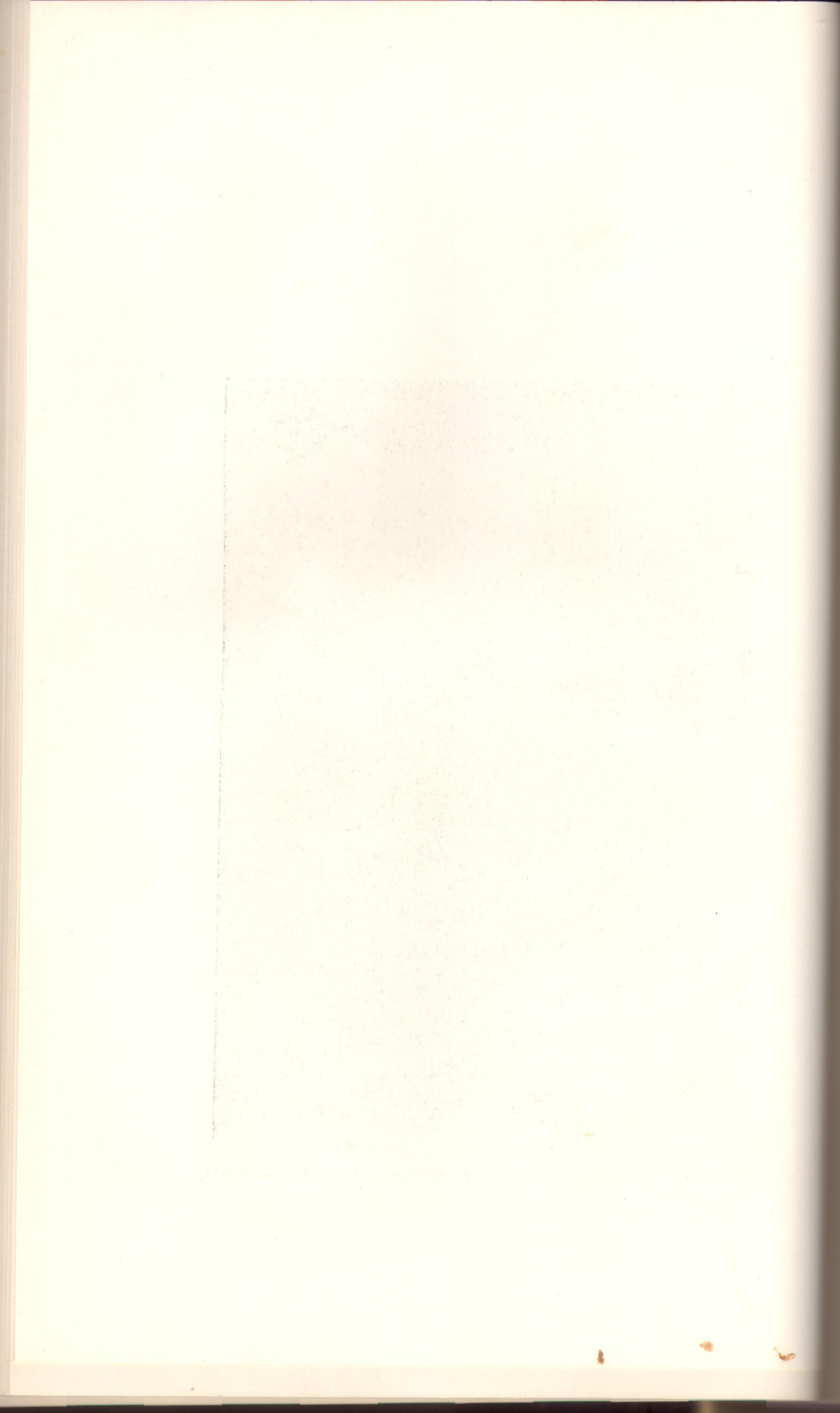
Идея эволюціи современной растительности изъ третичной нашла благодарную почву вообще у русскихъ ботанико-географовъ, но тамъ она носитъ лишь характеръ вспомогательной посылки для объясненія различныхъ систематическихъ и флористическихъ фактовъ. Въ творествѣ же Краснова та же идея развитія является сама руководящей цѣлью. Въ этомъ смыслѣ Красновъ долженъ быть названъ выдающимся представителемъ эволюціонизма въ русской наукѣ, и труды его являются въ цѣломъ прекраснымъ крупнымъ вкладомъ въ смыслъ обоснованія послѣдняго. Причины указаннаго тяготѣнія, безъ сомнѣнія, крылись частью въ органическихъ особенностяхъ таланта Краснова, влекшихъ его въ русло широкихъ художественныхъ обобщеній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Красновъ былъ сыномъ эпохи боевого дарвинизма и молодого, быстро разливающегося во всѣ отдѣлы знанія, ученія о принципѣ эволюціи. И Красновъ, съ его впечатлительной, вибрирующей на все натурой, не только не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого увлекающаго потока, но навсегда слился съ нимъ...

Просматривая въ настоящее время хотя бы голый перечень работъ и статей А. Н. Краснова, положительно не вѣришь, что все это могъ написать одинъ человѣкъ и притомъ умершій сравнительно рано. И только, зная при жизни А. Н., перестаешь этому удивляться. Это былъ высшій типъ ученаго, въ которомъ мысль господствовала надъ всѣми остальными требованіями жизни и составляла весь смыслъ послѣдней. Она находилась въ немъ въ состояніи постоянного возбужденія и работы, отодвигая далеко на задній планъ интересы личнаго въ обыденномъ смыслѣ слова благополучія. Конечно, и онъ искалъ счастья, но онъ находилъ его не въ покоѣ и отдыхѣ, какъ другіе, а въ кипучей, никогда не прекращающейся умственной дѣятельности. Словно какая-то сила толкала Краснова впередъ и впередъ, и онъ лихорадочно переходилъ отъ работы къ работѣ, не имѣя даже времени и воли остановиться надъ предыдущей, отдѣлать ее, оградить отъ нападковъ.

Исключительная активность таланта Краснова выражалась не только въ громадной литературной производительности, а также въ его рѣдкой подвижности въ смыслѣ большихъ и малыхъ экскурсій, поѣздокъ и путешествій, но и въ его общественно-просвѣтительной и популяризаторской дѣятельности. Параллельно съ потокомъ мысли въ немъ остро жила потребность дать выходъ ея творчеству. Онъ чрезвычайно охотно выступалъ съ лекціями, при чемъ какъ лекторъ опять-таки проявлялъ всю

А. Н. Красновъ съ проводниками въ Тянь-Шанской экспедиции.

силу и величину амплитуды своего таланта. Какъ лекторъ, Красновъ пользовался большою популярностію и любовью и собиралъ къ себѣ всегда обширную аудиторію. Въ его лекціяхъ привлекало умѣніе вкладывать въ каждую тему живое широкое содержаніе, изложенное въ картинной, образной, и въ то же время легко понятной формѣ. Плавная непринужденная рѣчь съ смѣлыми индивидуальными выраженіями и сопоставленіями, красивая жестикуляція, неисчерпаемый запасъ личныхъ наблюденій сообщали лекціямъ Краснова, дѣйствительно, притягательный интересъ. Одна изъ самыхъ послѣднихъ публичныхъ лекцій (о Батумской области) была прочитана Красновымъ, почти наканунѣ смерти, по просьбѣ Харьковскаго О-ва Любителей Природы. А. Н. находился въ то время въ Харьковѣ проездомъ, возвращаясь изъ-за границы въ Батумъ въ началѣ войны. Несмотря на болѣзнь и напряженное душевное состояніе, въ связи съ тревогой А. Н. за участь Батума, А. Н. все-таки не смогъ отказать въ просьбѣ. Не будетъ ошибочнымъ сказать, что Красновъ былъ неотдѣлимъ отъ аудиторіи, была ли то аудиторія слушателей, или аудиторія читателей.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что въ Красновѣ ученый и художникъ окрашивались ярко выраженными общественными симпатіями. Онъ не былъ жрецомъ науки, для котораго послѣдняя является какимъ-то фетишемъ, и не былъ въ то же время научнымъ космополитомъ. Въ немъ мысль постоянно откликалась на текущую жизнь и притомъ русскую жизнь, и наука для него была орудіемъ культуры, прогресса, могущественнымъ средствомъ развитія своей родины. Въ жизни Краснова былъ даже, правда, короткій періодъ, когда онъ почти всецѣло отдался общественной дѣятельности, а именно, когда онъ взялъ на себя редактированіе газеты «Южный Край». Конечно, этотъ шагъ Краснова нельзя было назвать удачнымъ, такъ какъ все-таки А. Н. былъ созданъ для науки, а не для публицистики, тѣмъ не менѣе онъ характеризуетъ всю силу общественныхъ симпатій, которыя жили въ А. Н.

Почему же человѣкъ, которому было такъ много дано, прошелъ какъ метеоръ, оставляя яркій, но быстро потухающій слѣдъ? Почему А. Н. Красновъ былъ при жизни почти забытъ русскими учеными, и имя его было окружено не ореоломъ міровой славы, а какой-то нездоровой атмосферой ироніи и пренебреженія? Такъ ли мы избалованы богатствами мысли, что выбрасываемъ, какъ ненужное, даже крупныя сокровища, разъ

они съ изъяномъ, или же, быть можетъ, мы просто не умѣемъ отдѣлать благородный металлъ отъ покрывающаго его налета?

Судьба проф. А. Н. Краснова, дѣйствительно, вызываетъ чувство горечи и за нее отвѣтствененъ не только онъ самъ, но, пожалуй, въ еще большей степени всѣ мы.

Несомнѣнно, что въ дѣятельности Краснова были такія стороны, которыя вполне законно шокировали другихъ ученыхъ и заставляли подвергать жестокой критикѣ его работы. Это та исключительная, невольно возстановлявшая противъ себя небрежность А. Н., съ какой выпускалась имъ большая часть работъ. Онъ изобиловали опечатками, lapsus'ами, неточными или неогваренными цитатами. Отсюда естественно создавалось недоверіе къ самой работѣ. Чѣмъ же объяснялась эта отрицательная сторона Краснова? Тутъ неразрывно сплетались между собой выше отмѣченный словно лихорадочный темпъ и спѣшность творчества Краснова, далѣе его прирожденная разсѣянность, крайняя неразборчивость торопливаго почерка, чрезмѣрное доверіе къ своей памяти и какой-то трудно-понятный индифферентизмъ къ судьбѣ дѣлѣ своего творчества. Въ послѣдніе годы сюда присоединялось неблагоприятное вліяніе тяжелой хронической болѣзни, отголоска путешествій Краснова, наложившей на него уже внѣшній отпечатокъ и въ концѣ-концовъ сведшей его преждевременно въ могилу...

Но были и другія причины того положенія, въ которомъ находился Красновъ, причины, отвѣтственность за которыя падаетъ уже на общее состояніе русской науки. Есть умы, по самой своей природѣ, обобщающіе, и есть умы фактическіе. Каждый изъ нихъ наиболѣе продуктивенъ въ своей сферѣ. Всѣ завоеванія современной науки являются результатомъ ихъ совмѣстной работы. Въ общей сокровищницѣ человѣческой мысли накопленіе фактовъ мертво безъ объединяющей ихъ работы связующей идеи парящей надъ гранями разрозненныхъ наблюдений. Въ западно-европейской наукѣ оба направленія давно уже дружно и плодотворно работаютъ вмѣстѣ, нерѣдко счастливо соединяясь въ одномъ и томъ же человѣкѣ. При этомъ, благодаря большому количеству работниковъ, съ одной стороны чистые факты немедленно вовлекаются въ кругъ обобщеній, а съ другой—обобщенія не проходятъ мимо, не осуждаются какъ какой-то плодъ никому ненужнаго лирическаго настроенія, но сейчасъ же подвергаются объективной критикѣ и провѣркѣ на фактахъ. Въ результатѣ, содержащееся въ нихъ здоровое ядро освобождается отъ шелухи, и само въ свою очередь даетъ

палець кь дальнѣйшей работѣ въ томъ же направленіи. Современная западно-европейская наука напоминаетъ, такимъ образомъ, своего рода хорошо налаженную мастерскую съ арміей рабочихъ, гдѣ заполнены всѣ мѣста и гдѣ одни дѣлають отдѣльныя части, другія ихъ соединяють.

Совершенно иное положеніе вещей мы видимъ у насъ, въ крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ изученіи своей собственной, русской природы. При крайне медленномъ пульсѣ русской науки, у насъ даже элементарно-фактическое изслѣдованіе стоитъ чрезвычайно низко. Достаточно напомнить, что значительная часть работъ Краснова, будучи написана 20 или даже 30 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ является почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній! Не говоря ужъ о такихъ странахъ, какъ Тянь-Шань, можно указать хотя бы на Полтавскую губернію, относительно флоры которой, послѣ труда Краснова, вышедшаго въ 1891 г., не появлялось ни одной сколько-нибудь значительной работы! И это, несмотря на то, что Полтавская губ. лежитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ двумя университетскими центрами! Можно ли удивляться, что при этомъ условіи живой обобщающій умъ будетъ лишенъ возможности дать полностью то, что онъ могъ бы дать при другихъ условіяхъ, и въ то же время будетъ стремиться къ заполненію живущихъ пробѣловъ фактической изученности, хотя бы это и не была его собственная область и призваніе? И Красновъ, дѣйствительно, это дѣлаеть. Онъ переходитъ отъ одного мертвого предмета къ другому и пытается ихъ вспахать. И если при этомъ онъ дѣлалъ ошибки, то вина его ужъ далеко не такъ велика, какъ это кажется тѣмъ, кто можетъ съ удивительнымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, граничащимъ по существу съ предосудительнымъ безразличіемъ, взирать, какъ проходятъ годы, десятки лѣтъ, а бѣлыя мѣста на картѣ изслѣдованности Россіи все также и остаются бѣлыми мѣстами...

Пусть же по крайней мѣрѣ передъ могилой А. Н., какъ яркаго носителя силы русскаго національнаго духа, забудется его слабое, пусть то великое и вѣчное, что при жизни затѣнялось острою житейскихъ столкновеній, очистится, сохранится для насъ и для потомства и навсегда сдѣлаеть память объ немъ священной, вызывающей законное чувство національной гордости!

В. Галіевъ.

Ботанико-географическія работы А. Н. Краснова.

Какъ нами было уже отмѣчено въ общей характеристикѣ Краснова, онъ былъ по преимуществу ботанико-географомъ, и въ области русской ботанической географіи его заслуги являются крупными и безспорными. Эти заслуги, несомнѣнно, поставили бы имя Краснова высоко среди западно-европейскихъ корифеевъ ботанической географіи, если бы онъ, какъ человекъ съ чисто русскими симпатіями и рѣдкой скромностью, не печаталъ своихъ работъ почти исключительно на родномъ языкѣ, хотя и обладалъ прекраснымъ знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ.

Мы не ставимъ своей задачей исчерпывающій очеркъ сдѣланнаго Красновымъ, но остановимся лишь на нѣкоторыхъ его работахъ, кажушихся намъ наиболѣе интересными. Изъ нихъ, конечно, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе его первая большая работа «Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня», «разсужденіе на степень магистра ботаники А. Н. Краснова»¹⁾. Въ ней уже ярко выражены всѣ особенности таланта Краснова: ширина кругозора, смѣлость мысли, тонкая наблюдательность, картинность языка и недостаточная внимательность въ обработкѣ фактическаго матеріала. «Опытъ исторіи развитія» составляетъ, конечно, крупный моментъ въ исторіи изученія флоры Тянь-Шаня и при болѣе живомъ темпѣ русской науки могъ бы послужить исходнымъ пунктомъ для цѣлой научной литературы. У насъ же онъ такъ и остался безъ дальнѣйшаго движенія, почти не оказавши преимущества вліянія.

Но намъ хочется особенно отмѣтить другую сторону значенія названной работы Краснова въ исторіи русскихъ ботанико-географическихъ воззрѣній. Красновъ въ ней (такъ же какъ въ рядѣ другихъ болѣе мелкихъ раннихъ статей) является отцомъ тѣхъ двухъ ботанико-географическихъ направленій, которыя сейчасъ господствуютъ въ русской литературѣ и которыя дифференцировались изъ прежняго общаго «геоботаническаго» на-

¹⁾ Записки И. Р. Географическаго О-ва. 1888.

направленіе. Одно изъ нихъ, развивающее идеи Энглера, подходит къ фактамъ систематики и флористики, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историческаго развитія растительнаго покрова въ результатъ различныхъ геологическихъ судьбъ поверхности земли въ прошломъ. Другое выдвигаетъ на передній планъ связь растительности съ почвами и въ почву переноситъ центръ тяжести ботаническаго изслѣдованія. Второе направленіе въ своихъ первоисточникахъ тѣсно примыкаетъ къ трудамъ и идеямъ проф. Докучаева и можетъ быть названо чисто-русскимъ¹⁾. Представителями перваго теченія являются такіе крупные современные русскіе ботаники, какъ проф. Н. И. Кузнецовъ и его школа, Д. И. Литвиновъ, І. К. Пачоскій, представителями второго въ большей или въ меньшей степени—Г. И. Танфильевъ, А. Я. Гордягинъ, В. Н. Сукачевъ, Б. А. Келлеръ и другіе.

«Опытъ изслѣдованія флоры ю. ч. в. Тянь-Шаня» А. Н. Краснова и является первой русской работой, въ которой принципы этихъ двухъ теченій не только проведены, но и *теоретически* сформулированы. Во взглядахъ Краснова сочеталось вліяніе, съ одной стороны, Докучаева, ученикомъ котораго онъ былъ и съ которымъ много работалъ, а съ другой—западно-европейскихъ географовъ, съ идеями которыхъ онъ во время своего пребыванія за границей также близко познакомился. Но въ то же время Красновъ сохраняетъ самостоятельную позицію и благодаря своей тонкой наблюдательности и обобщающему таланту, не только не впадаетъ въ тѣ крайности, которыми характеризуются оба направленія въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи у насъ, но и опредѣлено выдвигаетъ третій элементъ обязательный въ ботанико-географическихъ построеніяхъ, но обычно игнорируемый,—*процессъ видообразованія*.

Въ введеніи къ разсматриваемой работѣ А. Н. излагаетъ принципы своего пониманія задачъ и методовъ ботанической географіи²⁾ и дѣлаетъ это съ обычной своей талантливостью. «Передъ географами растений, говоритъ онъ, теперь лежитъ ин-

¹⁾ Въ настоящее время оно, однако, начинаетъ сливаться съ болѣе широкимъ *оікологическимъ* направленіемъ въ ботанической географіи, получившимъ свое первоначальное развитіе въ Западной Европѣ.

²⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что у Краснова мы, повидимому, вообще впервые въ русской литературѣ встрѣчаемъ *теоретическую формулировку* задачъ ботанической географіи въ ея современномъ пониманіи. Это одно даетъ право на признаніе крупнаго значенія за нимъ въ исторіи русской научной мысли.

тересная задача — прослѣдить на основаніи, имѣющихся дан-
 ныхъ, исторію образованія современныхъ флоръ изъ древней
 палеоарктической. Если бы всѣ страны сѣвернаго полушарія
 имѣли одинаковое прошлое — сдѣлать это было бы не трудно.
 Но мы знаемъ, что исторія эта была весьма различна, и пути
 измѣненія флоръ были неодинаковы. Кромѣ того, самое поверх-
 ностное наблюденіе показываетъ, что весьма многіе виды одарены
 прекрасными средствами для переселенія. На нашихъ глазахъ
 многія американскія растенія, помимо желанія человѣка, вторг-
 лись въ Европу..., точно такъ же, какъ много видовъ европейскаго
 происхожденія переселилось на другіе материки. Такія переселенія
 происходили, очевидно, и въ древнѣйшія, недоступныя нашимъ
 наблюденіямъ времена, — и, находя то или другое растеніе въ
 изучаемой странѣ, трудно сказать, есть ли это неизмѣненный
 потомокъ палеоарктическаго вида данной мѣстности, или при-
 шлецъ изъ чужой страны. Трудность эта увеличивается еще
 и тѣмъ обстоятельствомъ, что флоры третичнаго періода намъ
 извѣстны лишь изъ немногихъ мѣстъ и въ лицѣ немногихъ
 представителей»... «Обозначивъ флору всякой данной страны
 формулою $F = f_1 + f_{II} + f_{III}$, гдѣ F есть совокупность всѣхъ
 нынѣ живущихъ формъ, f_1 до нынѣ уцѣлѣвшіе и не измѣни-
 вшіеся палеоарктическіе виды, f_{II} непосредственный результатъ
 измѣненія палеоарктическихъ видовъ подъ вліяніемъ измѣненія
 условій жизни въ данной странѣ и f_{III} —виды, переселившіеся въ
 позднѣйшую эпоху,— мы увидимъ, что для различныхъ странъ
 значеніе этихъ слагаемыхъ весьма неодинаково. Въ общемъ
 можно различать три типа флоръ. Первый изъ нихъ, пред-
 ставителемъ котораго является Японія и нѣкоторыя части
 Сѣверной Америки, со времени третичнаго періода и до настоя-
 щаго времени отличался постоянствомъ условій жизни. Здѣсь
 было мало условій для сильнаго измѣненія формъ, а на нѣко-
 торыхъ островахъ мало данныхъ и для переселеній извнѣ. По-
 тому здѣсь флора близка къ палеоарктической и приближается
 къ идеальной формулѣ: $F = f_1$ Большая часть западной
 Европы можетъ быть представительницей другого типа. Ходъ
 историческихъ событій былъ здѣсь особенно бурный, непосто-
 янный... Европа была странюю постояннаго движенія формъ,
 странюю переселеній... Флора здѣсь стремится приблизиться къ
 идеальному случаю $F = f_{III}$.» Наконецъ, «Средняя Азія можетъ
 служить типомъ третьяго рода странъ. Съ давно прошедшихъ
 временъ и до настоящей минуты климатъ страны постоянно из-
 мѣнялся, но измѣненія эти происходятъ все въ одну и ту же

сторону (усыханія и усиленія континентальности)... Постоянное и все усиливающееся дѣйствіе однихъ и тѣхъ же факторовъ на флору не могло не вызвать въ ней соотвѣтствующихъ приспособленій и измѣненій... Здѣсь флора ближе всего къ идеальному случаю $F = f_{II}$ »

Однако, эта близость все же неполная, и формула флоры остается та же: $F = f_I + f_{II} + f_{III}$, лишь съ преобладаніемъ f_{II} . Какъ же можно выдѣлить изъ нея «остальные менѣе многочисленные элементы»? Простое «сравненіе списковъ, хотя бы даже списковъ странъ типа $F = f_{II}$, не даетъ само по себя возможности судить о томъ, какіе элементы флоры суть древніе, палеоарктическіе, какіе суть эмигранты и какіе результаты измѣненія, достигнутого познѣйшими измѣненіями жизни». Недостаточно для этого и простыхъ геологическихъ данныхъ. Для анализа флоры, особенно для странъ континентальныхъ, Красновъ предлагаетъ методъ, называемый имъ *сравнительной геоботаникой*. Подъ послѣднимъ терминомъ онъ понимаетъ «ученіе о зависимости между характеромъ ботаническихъ формаций растительнаго царства и жизнью и исторіей горныхъ породъ, служащихъ этимъ формациямъ почвой. Такимъ образомъ, въ основу геоботаники ложится почвовѣдѣніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и ученіе о ботанической формации».

Но, выдвигая, какъ важный ботанико-географическій фактъ, существованіе тѣсной связи между жизнью почво-образующей породы и ея растительностью, Красновъ далекъ отъ того пониманія этой связи, въ какое вылилось почвенно-ботаническое направленіе въ дальнѣйшее время и при которомъ въ концѣ концовъ почва совершенно затемняетъ растеніе. Для Краснова жизнь почвы и жизнь растительнаго покрова имѣютъ каждая самостоятельную цѣнность; онѣ лишь идутъ обычно параллельно въслѣдствіе сходства общей совокупности условій. Отсюда, напр., столь правильная связь степной растительностью съ черноземомъ. Благодаря этой связи, мы можемъ по совокупности видовъ растений судить о почвенной жизни и обратно, зная исторію и жизнь почвы, мы можемъ а priori ожидать на ней ту или другую растительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая растительность почвъ одной и той же области находящихся въ различныхъ моментахъ развитія, по мнѣнію Краснова, можно узнать «характеръ слагаемыхъ формулы $F = f_I + f_{II} + f_{III}$ и, путемъ сопоставленія, отдѣлить древніе неизмѣнившіеся элементы древніе неизмѣнившіеся и, наконецъ, молодые пришлые элементы». «Продѣлавъ то же со всѣми формациями страны, поставивъ измѣненія

видовъ изъ типа *fu* въ связь съ измѣненіями природы страны, мы получимъ исторію ея флоры, основанную не на гипотезахъ и предположеніяхъ, а на строго научномъ изученіи ея геологіи и знаніи фізіологическихъ процессовъ, обусловленныхъ тѣми или другими особенностями ея климата и почвы».

Для Краснова, въ отличіе отъ большинства послѣдующихъ русскихъ геоботаниковъ, какъ историческаго, такъ и почвеннаго направленія, является характернымъ глубокое сознаніе, что рѣшеніе вопросовъ развитія флоры не возможно безъ постановки общебіологической проблемы видообразования, и въ «Исторіи развитія флоры Тянь-Шаня» онъ неоднократно пытается дать конкретное объясненіе происхожденія видовыхъ особенностей разсматриваемой имъ флоры. Своего эволюціоннаго *credo* онъ вполне ясно не формулируетъ, но и здѣсь все-таки сказывается самостоятельность его, какъ мыслителя и наблюдателя. Въ эпоху, когда дарвинизмъ, въ особенности у насъ, былъ почти единственной признаваемой эволюціонной теоріей, Красновъ, не отрицая значенія борьбы за существованіе и естественнаго отбора, въ то же время явно склоняется къ признанію крупной роли за непосредственно измѣняющимъ вліяніемъ условій существованія съ унаслѣдованіемъ приобрѣтенныхъ признаковъ.

А. Н. Красновъ неоднократно на протяженіи разсматриваемой работы останавливается на сопоставленіи близкихъ видовъ, изъ которыхъ одинъ является, по его мнѣнію, лишь какъ бы климатической или почвенной модификаціей другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ возможнымъ выставить смѣлое для того времени положеніе, что дѣятельность видообразования ужъ не такъ длительна, какъ это принято думать. Исторія почвъ и характеръ отличительныхъ видовыхъ признаковъ для растительныхъ формъ Арало-Каспійской зоны Тянь-Шаня «наводятъ, говоритъ онъ (стр. 266), на мысль, что онѣ создались въ самое новѣйшее время, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Вопреки мнѣнію Декандоля, Криста и др., утверждавшихъ, что со времени третичнаго періода не создано ни одной новой формы, эти виды должны были переродиться изъ соотвѣтствующихъ гидрофиловъ послѣ того, какъ эти послѣдніе очутились въ новыхъ условіяхъ среди чуждой формаціи. Ихъ родоначальники—если не теперь еще живущіе на сосѣднихъ, не завоеванныхъ ксерофитами, формаціяхъ виды—то, по крайней мѣрѣ, формы весьма къ нимъ близкія». Красновъ указываетъ, что въ такихъ случаяхъ ихъ различаютъ какъ разъ такіе же признаки, которые, какъ доказано экспериментально, вызываются условіями влажности. Но

«многія изъ приведенныхъ растеній, говоритъ онъ дальше, имѣются въ настоящее время въ культурѣ... Тѣмъ не менѣе, формы, создавшіяся мною въ ботаническихъ садахъ такихъ городовъ, какъ Бреславль, Петербургъ и Берлинъ, сохраняли съ необыкновеннымъ упорствомъ свои признаки.... Невольно поэтому думается, что всѣ вышеперечисленные и многіе другіе виды суть результаты унаслѣдованія фізіологически вызванныхъ особенностей, подъ вліяніемъ непрестаннаго вѣкового, постоянно усиливающагося, измѣненія климата на соответствующихъ олиготермъ—гидрофиловъ. Но разъ это было такъ—намъ открываются сразу на цѣлый рядъ вопросовъ о законахъ происхожденія видовъ въ настоящія и прошедшія времена. Если въ измѣненіи признаковъ есть причинность, если не всегда новый видъ есть слѣдствіе слѣпо идущаго естественнаго подбора, сохраняющаго и позволяющаго размножаться случайно возникшимъ *lusus naturae*?, а результатъ воздѣйствія поддающихся изученію факторовъ—мы вправѣ искать законовъ, управляющихъ этими дѣйствіями». Выживаніе, ведущее къ обособленію новыхъ формъ, должно обуславливаться или 1) структурой растенія, почему-либо пригодной и для новыхъ требованій, или 2) способностью къ видоизмѣненію органовъ, измѣненія которыхъ требуютъ вновь создавшіяся условія. «Изъ этихъ органовъ, бываетъ иногда достаточно, чтобы измѣнились лишь нѣкоторые, чтобы растеніе могло выжить—напр., чтобы уничтожить сильно испаряющіе листья. Иногда же требуется полная реформа всѣхъ органовъ. Неспособныя на это формы гибнуть. Способность къ измѣненію различныхъ органовъ у различныхъ растеній, повидимому, неодинакова... Только детальное изученіе рода съ морфологической и фізіологической стороны можетъ дать отвѣтъ, почему у однихъ формъ извѣстные органы способны, у другихъ при тѣхъ же условіяхъ не способны къ измѣненію».

Насколько правъ былъ А. Н. Красновъ въ своихъ наведеніяхъ отъ фактовъ живой природы? На это мы можемъ только сказать, что вопросъ и сейчасъ находится въ томъ же спорномъ положеніи. И сейчасъ мысль о видообразовательномъ значеніи прямого измѣняющаго вліянія внѣшнихъ условій на растительный организмъ имѣетъ многочисленныхъ убѣжденныхъ сторонниковъ

9 Здѣсь А. Н. Красновъ, очевидно, неправильно излагаетъ сущность дарвинизма. Въ еще болѣе рѣзкой формѣ ту же ошибку онъ повторяетъ и гораздо позднѣе. («Лекціи по ботаникѣ». 1910).

въ литературѣ¹⁾ хотя вопросъ о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ признаковъ и стоитъ сейчасъ острѣе, чѣмъ въ тотъ періодъ, когда писался «Опытъ исторіи развитія»... И, повидимому, неоламаркизмъ не далекъ отъ истины въ томъ смыслѣ, что внѣшнія условія такъ или иначе играютъ какъ бы проявляющую и направляющую роль во многихъ видообразовательныхъ процессахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. Н. Красновъ является у насъ среди ботаниковъ однимъ изъ немногихъ представителей воззрѣній, близкихъ къ неоламаркизму, притомъ высказывающихъ ихъ на основаніи личныхъ продуманныхъ наблюденій, а не въ результатѣ лишь простого литературнаго знакомства съ вопросомъ. И если имя Краснова отсутствуетъ въ западно-европейской эволюціонной литературѣ, тогда какъ имя Коржинскаго всегда упоминается, то это объясняется въ значительной степени только тѣмъ, что взгляды перваго не были имъ опубликованы на иностранномъ языкѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ въ взглядахъ Краснова, какъ характерную черту, мысль о существованіи въ организмахъ различныхъ степеней *склонности* измѣняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, что дѣлаетъ его точку зрѣнія гораздо болѣе гибкой и согласуемой съ новѣйшими теченіями въ эволюціонныхъ теоріяхъ. Съ этой точки зрѣнія, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя другія мысли, высказываемыя Красновымъ. «Допустимъ, говоритъ онъ, что мы имѣемъ видъ способный къ измѣненіямъ, положимъ *Artemisia eriocarpa*, видъ способный, повидимому, измѣнить лишь одинъ изъ своихъ признаковъ—длину междоузлій въ соцвѣтіяхъ. Понятно, такой видъ дастъ намъ лишь одинъ дериватъ—*A. eranthema*. Но если у нашего вида не одинъ, а нѣсколько признаковъ, способныхъ измѣняться, спрашивается, что будетъ тогда? Тутъ, очевидно, мыслимы два случая. Всѣ признаки измѣняются равномѣрно и въ одну сторону. Видъ А дастъ *хорошій* видъ В. Но можетъ быть и иначе. Неуловимая для поверхностнаго наблюдателя разница во внѣшнихъ условіяхъ можетъ у одного изъ представителей вида А вызвать преобладающее измѣненіе одной группы признаковъ, у другого—другой, притомъ признаки могутъ измѣняться на п различныхъ способовъ. Листъ, напр., можетъ стать уже или короче, или меньше, превратиться въ колючку или атрофироваться и т. п. Тогда, очевидно, что видъ А долженъ дать

¹⁾ См., напр., *Prof. Karl Giesenhagen. Anzeichen einer Stammesentwicklung im Entwicklungsgang und Bau der Pflanzen* (Сборникъ «Die Abstammungslehre». Jena. 1911).

столько различных формъ, сколько можно сдѣлать различныхъ перестановокъ изъ различнымъ образомъ и въ различной степени измѣнившихся органовъ. Общій характеръ измѣненій останется все тотъ же; растеніе останется ксерофиломъ, но оно дастъ столько характерныхъ видовъ, со столь различными признаками, сколько можно сдѣлать различныхъ перестановокъ и комбинацій изъ его признаковъ. Эти виды и измѣненія будутъ стремиться къ извѣстному идеалу приспособленія, гдѣ бы всѣ признаки были измѣнены наисильнѣйшимъ образомъ. Такая конечная форма явится наилучше отвѣчающею вновь создавшимся условіямъ. Она въ концѣ-концовъ одна сохранится, тогда какъ всѣ прочія, если условія, вызвавшія измѣненія, будутъ продолжать дѣйствовать, все усиливаясь,—вымрутъ. Въ общемъ получится картина, какъ-будто неопытный ученикъ, сдѣлавъ сотни и тысячи неудачныхъ пробъ, наконецъ, остановился на одной, наилучшей—и забраковалъ всѣ остальные. Исторія міро-зданія даетъ намъ тысячи примѣровъ подобнаго рода. Достаточно только напомнить о юрскихъ аммонитахъ, которые вдругъ появились, достигли поразительнаго разнообразія формъ—и вновь исчезли, оставивъ въ напоминаніе о себѣ лишь немногихъ сходнымъ образомъ устроенныхъ животныхъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, не ставили въ связь съ внѣшними условіями подобныхъ явленій. Но Туркестанскій край, въ своемъ растительномъ царствѣ, даетъ намъ какъ—разъ явленія, аналогичныя съ юрскими аммонитами. Нѣкоторые роды, очень плохо представленные въ зонахъ лѣсной и альпійской, равно какъ и на периферіи материка—въ зонѣ Арало-Каспійской, именно тамъ, гдѣ произошли въ климатѣ сильнѣйшія измѣненія, вдругъ достигаютъ баснословнаго разнообразія видовъ. Роды *Astragalus*, *Allium*, нѣкоторыя *Salsolaceae*, *Oxytropis*, *Atraphaxis*, насчитываютъ ихъ десятками... Чуть ли не каждый холмъ, не каждая балка, имѣетъ собственные виды... Вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣшній видъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ *Allium* и *Astragalus* необыкновенно сходенъ. Еще *subgenus* можно бываетъ отличить довольно легко, но разобраться въ путаницѣ второстепенныхъ признаковъ... можетъ только тотъ, кто на долгое время посвятитъ себя тайнѣ Астрогологіи...».—Дальше А. Н. Красновъ даетъ формулу теоретическаго «вычисленія» всѣхъ видовъ, могущихъ возникнуть изъ даннаго числа прототиповъ, при чемъ имъ принимается во вниманіе, что не всѣ комбинаціи признаковъ морфологически совмѣстимы. «При вычисленіи могущихъ происходить разновидностей... надо знать, какіе органы и какъ въ данномъ родѣ

могутъ измѣняться и комбинироваться. Но разъ это будетъ извѣстно, есть основаніе надѣяться найти число видовъ полиморфнаго рода, равное числу прототиповъ, умноженному на сумму всевозможныхъ перестановокъ, сдѣланному изъ m способныхъ на n способовъ измѣняться элементовъ—минусъ тѣ комбинаціи, которыхъ не допускаютъ законы морфологіи и законы соотвѣтствія членовъ для даннаго рода». Въ дальнѣйшемъ А. Н. Красновъ дѣлаетъ попытку примѣнить свою формулу на конкретномъ примѣрѣ—родѣ *Atraphaxis*, центръ распространенія котораго «безспорно Тянь-Шань и сѣверная Персія». За форму, стоящую ближе всего къ прототипу, онъ считаетъ описанный имъ же видъ *Atraphaxis Muschketovi*¹⁾ — «красивый кустарникъ, превышающій человѣческій ростъ». Анализу рода *Atraphaxis* Красновъ посвящаетъ цѣлыхъ 9 страницъ. Менѣе детально онъ останавливается также на анатомическомъ строеніи *Salsolaceae*.

Читая въ настоящее время, почти спустя 30 лѣтъ, всѣ эти строки, трудно не отдать должное силѣ мысли автора. И только слабая преемственность научной работы у насъ сдѣлала то, что идеи Краснова, какъ ботанико-географа—эволюциониста блеснули на мигъ и были забыты. Основная же мысль его, что флора нашихъ средне-азиатскихъ владѣній представляетъ богатѣйшій и благодарнѣйшій матеріалъ для изслѣдованій съ точки зрѣнія видообразования, остается и сейчасъ, какъ и раньше, глубоко правильной. И можно только пожелать, чтобы, съ одной стороны, русскіе изслѣдователи, наконецъ, направили въ эту сторону свои интересы, а съ другой—отдали должное Краснову и возстановили его заслуги въ исторіи русской біологической науки.

Магистерская диссертация Краснова, содержа въ себѣ массу новыхъ фактовъ, тонкихъ наблюденій и блестящихъ мыслей, однако, сама по себѣ, вслѣдствіе обширности темы и непропорціональной бѣдности фактическаго матеріала, является неизбежно слишкомъ спекулятивной. Но заслуживаетъ быть отмѣченной нѣсколько болѣе поздняя работа А. Н., въ которой тѣ же принципы

¹⁾ Какъ извѣстно, систематическія работы А. Н. Краснова являлись очень слабыми и описывавшіеся имъ новые виды сплошь и рядомъ оказывались неудачными, но названный видъ *Atraphaxis* признается и новѣйшими систематиками (см. Б. А. Федченко. Растительность Туркестана. П. 1915). Изъ другихъ видовъ, впервые описанныхъ Красновымъ въ флорѣ Тянь-Шаня, сохранили свое значеніе (см. Федченко, *ibid*) *Parrya Becketowi*, *Chrysosplenium tiansschianicum*, *Tanacetum Grigorjewi*, *Saussurea Famintziniana*, *Pedicularis Maximowiczii*, *Tulipa Regelii*, *Triticum Batalini*, *Stipa Woronini*.

проведены опять-таки весьма последовательно и которая въ то же время оставляетъ болѣе конкретное впечатлѣніе. Это—его статьи, помѣщенные въ «Землевѣдѣніи» за 1894 г. (кн. II и III) подъ общимъ заголовкомъ—«Изъ поѣздки на дальній востокъ Азіи». Эти статьи, между прочимъ, цѣнны и тѣмъ, что онѣ почти единственныя въ нашей литературѣ, принадлежащія перу русскаго ботаника и представляющія не простое описаніе туристскихъ впечатлѣній отъ тропической флоры, а самостоятельное оригинальное изслѣдованіе послѣдней. Если въ «Опытѣ развития флоры Тянь-Шаня» Красновъ пытается проникнуть въ глубину процессовъ эволюціи, совершающихся подъ вліяніемъ усыхания, то здѣсь онъ ставитъ своей задачей еще болѣе широкую и яркую проблему—эволюціи растительности сѣверныхъ широтъ, въ частности, русскаго сѣвера съ его тундрой, изъ тропической и субтропической древней флоры. И дѣлаетъ это онъ опять-таки со всѣмъ блескомъ своего таланта, если не рѣшая вопроса въ строгомъ смыслѣ слова, то давая фейерверкъ мыслей и сопоставленій, толкающихъ на дальнѣйшую работу въ томъ же направленіи. И едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что названныя статьи Краснова даже и сейчасъ имѣютъ мало равныхъ и въ западно-европейской литературѣ...

Онъ начинаетъ свои очерки словами: «Дальній востокъ Азіи, съ тѣхъ поръ какъ его страны стали дѣлаться все болѣе и болѣе доступными для европейцевъ и мало-по-малу раскрыли передъ натуралистами особенности своей природы, является краемъ наиболѣе интереснымъ для географа-эволюціониста». Указавъ на значительную однородность имѣющихъ здѣсь мѣсто климатическихъ условій и въ то же время постепенность смѣны ихъ при движеніи съ юга на сѣверъ, А. Н. говоритъ: «Если охлажденіе сѣвернаго полушарія совершалось постепенно, то столь же постепенно должно было совершаться въ сѣверной половинѣ восточно-азіатскаго побережья перерожденіе его полутропическихъ видовъ въ полярные. Мы и теперь должны поэтому наблюдать всѣ постепенныя стадіи измѣненія этихъ видовъ,—а вся совокупность флоры восточно-азіатскаго побережья должны представить изъ себя одну грандіозную картину эволюціи субтропической третичной флоры въ современную флору умѣреннаго и холоднаго пояса». Съ цѣлью выяснитъ поставленный имъ вопросъ, Красновъ посѣтилъ въ трехъ различныхъ пунктахъ азіатскаго побережья его высокія горныя вершины, сдѣлавши на нихъ вхожденіе: на Явѣ вулканы Gedeh, Salac, Tong-kulan-prao и Popandajan, равно какъ горы окрестностей хинной плантаціи